

Читайте:

4 Оксана МОРОЗОВА:
«Вернись на родину, душа!»	16 Геннадий МАЙОРОВ:
Гараж
6 Валерий АНИШКИН:
Студент	22 Максим МАЙСКИЙ:
Бронзовый бюст вместо звезды героя
10 Владимир САМАРИН:
Трамвайное кольцо	24 Николай ПРОКУДИН:
Охотники за пиратами
14 Леонид ТУЧНИН:
Мгновения истории	26 Александр ПЕТРОВ:
Враги истинные и мнимые

**Орловское региональное отделение Союза российских писателей,
Департамент образования Орловской области,
областное управление культуры и Среднерусский институт управления
(филиал РАНХиГС) проводят открытый литературный конкурс
«Вернись на родину, душа!»,
посвящённый 150-летию со дня рождения И.А. Бунина**

Условия литературного конкурса
опубликованы на сайте:
СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ57.РФ

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д.27, пом. 9

Главный редактор: Е.Н. ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

*Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор РФ).*

№03' ноябрь 2019
Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»
СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: ON-0307@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

16+

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ
Дизайн, вёрстка: GM

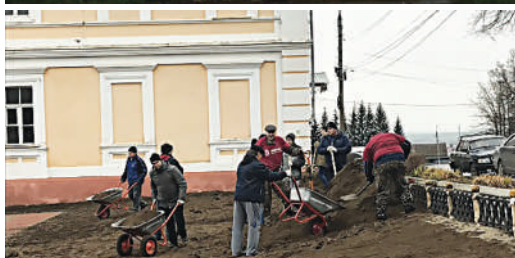
Подписано в печать 10.11.2019 г. Выход в свет: с 10.11.2019 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)
Заказ №03-НО+03
Цена свободная

ОСЕННЯЯ СКАЗКА СКОРО СТАНЕТ ЗИМНЕЙ

На базе отдыха Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС "Лесная поляна" состоялся торжественный концерт, посвящённый закрытию осенней смены "Вокруг света". С приветственным словом выступил директор базы отдыха "Лесная поляна" **Михаил Забелин**, который отметил, что осенняя сказка пролетела мгновенно, однако останется в сердцах каждого кто провёл каникулы с пользой и зарядился новыми положительными эмоциями в преддверии новой учебной четверти. База отдыха «Лесная поляна» будет ждать гостей в новом году с 2 по 12 января 2020 года на зимнюю сказку «Холодное сердце».

В ходе концерта-закрытия ребята рассказали зрителям о странах, по которым путешествовали делегации всю смену и, наконец, собрали карту, где конечной станцией стала "Лесная Поляна".

НАША ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Сотрудники и студенты Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС совместно с представителями Российского военно-исторического общества продолжили работы по благоустройству и реконструкции мемориала «Офицерское кладбище» в городе Болхове.

Работы ведутся в рамках проекта Российского военно-исторического общества по установке новых и замене нуждающихся в реконструкции памятников, посвящённых событиям Великой Отечественной войны. На территории мемориала в феврале 2020 года запланирована установка памятника Советскому Солдату – освободителю.

Основательная реконструкция мемориальной зоны очень важна для Болховского района, в связи с чем почётные граждане района – **Виктор Михайлович Зорин, Николай Антонович Краличев, Владимир Владимирович Хвостовой, Вячеслав Николаевич Поярков** – выражают благодарность коллективу Средне-

русского института управления в лице его директора **Павла Александровича Меркулова** и представителям регионального отделения Российского военно-исторического общества, продолжающим славные традиции по патриотическому воспитанию молодёжи.

Заседание клуба любителей иностранного языка в Банковском колледже Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС в новом учебном году было посвящено празднованию Дня всех Святых, более известного под названием Хэллоуин. Модератором мероприятия для студентов 1 курса был преподаватель английского языка **Ирина Игнатова**.

Студенты познакомились с историей праздника, приняли участие в конкурсах, играли, посмотрели «страшные» мультфильмы на английском языке и получили массу положительных эмоций от весёлого и познавательного мероприятия, которое способствовало расширению кругозора и улучшению знаний английского языка.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА УСТРОИЛ ПРАЗДНИК

В рамках открытого заседания научного студенческого клуба «Право, власть и управление» Среднерусского института – филиала РАНХиГС прошли научные студенческие дебаты на тему «Монархия, как лучший способ правления, или Республика, как прогрессивная форма правления». Инициатором и организатором проведения дебатов стала старший преподаватель юридического факультета **Наталья Васильевна Кулаженкова**.

В дебатах приняли активное участие студенты 1 курса специальности «Организация работы с молодёжью»: **Наумкина Анастасия, Куправа Диана, Воронина Анна, Прудников Кирилл, Разинков Максим, Щербаков Даниил, Мозгов Дмитрий, Шевляков Юрий** (первая команда) и **Лыженкова Дарья, Жилиева Алёна, Ольхова Полина, Агеева Ксения, Дравненкова Кристина, Ноздрачёва Вероника, Власов Владислав, Матюхина Екатерина** (вторая команда). Все выступления оценивало строгое жюри, в которое вошли студенты 1 курса специальности «Бизнес-информатика».

Во время каждого этапа дебатов, а их было пять, ребята достойно отстаивали свою позицию и уверенно аргументировали свою точку зрения.

ПОСПОРИМ?

Валерий АНИШКИН

СТУДЕНТ

Человек в мире изменённого сознания
(в сокращении)

Часть I

Глава 5

...Дома меня ждал сюрприз. В нашей небольшой комнатке, которую мать называла залом, что в отрочестве у меня вызывало протест, потому что тесная комната четырёх метров в длину и трёх в ширину, тёмная от разросшихся кустов сирени в палисаднике за окном, мало соответствовала моим представлениям о залах. Зал был у генерала, дочери которой я смог помочь. Помню, как был поражён богатством генеральской квартиры, когда мы с отцом ступили за порог особняка и оказались в прихожей, по размеру не меньше всей нашей квартиры. И зал – огромная комната с высоким лепным потолком и роялем...

В нашем «зале» сидел Юрка Богданов, играл с моим отцом в шахматы и чувствовал себя как дома. Я поздоровался с Юркой. «Погоди, старик, – отмахнулся он от меня как от назойливой мухи. – Здесь интересная позиция получается». И он уткнулся в доску, словно меня и не было. Получив мат, Юрка отвесил комплимент моему отцу, встал из-за стола и, наконец, удостоил меня своим вниманием:

– Пойдём, чувак, пройдемся по Бродвею.

– Да он же только пришёл, – вошла в зал мать. – Уж скоро спать ложиться, а вы гулять.

– Да что вы, Александра Петровна, какое «спать» – время детское. Мы часок. Пройдемся по Ленинской, то бишь, Бродвею, зайдем ко мне. Я Володю с родителями познакомлю. А то они всё: «Юра, ты хоть бы познакомил нас со своим другом как-нибудь».

Я с удивлением узнал, что, оказывается, я – Юркин друг.

– У меня чай с малиновым вареньем, – запоздалый голос матери догнал нас, когда мы уже были у двери.

– В другой раз с удовольствием, – отозвался Юрка.

– Слушай, чувак, откуда у вас такие шахматы? – спросил Юрка, когда мы вышли из дома.

– А чего ж ты у отца не спросил?

– Спросил.

– И что?

– Сказал, подарок.

– Подарок и есть.

И дальше я предпочёл насчёт подарка не распространяться.

Юрка понял, но счёл нужным заключить:

– Ценный подарок.

Подарок был, конечно, знатный. Мысль меня как-то сама перенесла в то время, когда мы с отцом оказались невольными заложниками ситуации, из которой выпутались, как считал отец, только чудом.

Я помню, как вскоре после того, как я излечил генеральскую дочь, её отец прислал за нами машину. Приняли как дорогих гостей. Мы с девушкой ушли в её комнату, а отца генерал увёл к себе в кабинет, куда их домработница Варя принесла закуску. Сидели они там долго. А на следующий день шофёр генерала, Фаддея Семёновича, привёз аккуратный свёрток. Когда мы сняли шуршащую пергаментную бумагу, под ней оказались шахматы. Шах-

матная доска привлекала инкрустацией янтарём и малахитом, а шахматные фигуры из слоновой кости и чёрного дерева изображали войско. Король и королева – шах и шахиня, на боевом слоне – погонщик, на коне – арабский наездник, ладьи изображали крепостные башни, а пешки – индийских солдат со щитами и копьями. Отец с восторгом разглядывал фигуры, был смущён и не знал, как поступить с подарком. Вернуть, значило обидеть хозяина. И оставить неловко. Будет похоже, что Милу лечили из корысти. Отец тогда собирался поговорить с генералом или с его женой Кирой Валерьяновной. Поговорил или нет, мне неизвестно, но, в любом случае, шахматы остались у нас.

Вот такой это был подарок...

– Ну и как тебе компания? – вывел меня из задумчивости Юрка

– Да ничего. Хорошие ребята. А ты откуда знаешь, где я был?

– Сорока на хвосте принесла, – засмеялся Юрка. – Да всё просто, – добавил он, заметив, что мне неприятна его осведомлённость. Это отдавало каким-то мелкообывательским душком сплетни. – Мне Олег Гончар сказал. Сам он на вашу тусу пойти не смог.

Юрка помолчал и спросил:

– А как тебе Маша Миронова?

– Хорошая девочка. А что? – покосился я на Юрку.

– Она мне нравится, – серьёзно сказал Юрка. – Задружиться хочу.

– А чего ж ты не пошёл к ним? У них там весело, – усмехнулся я, вспомнив «Чучу» на рентгеновском снимке.

– Я сказал, что мне Маша нравится, но не сказал, что нравится компания...

Мы вышли на Ленинскую, где жизнь, казалось, только началась.

– Вон Рэм хилает с барухами. (Баруха (боруха) – на молодёжном сленге: девушка, придерживающаяся свободных взглядов относительно общения с парнями.)

Рэм шёл по другой стороне Ленинской с двумя стильными девушками. На ногах у Рэма красовались туфли «на манке». («Манка» – толстая белая микропористая подошва. Туфли на такой подошве считались модными в конце 50-гг.) Их носили стилиги. Только Рэм усовершенствовал свои: когда он ступал на асфальт, от подошвы исходил свет, когда поднимал ногу – свет гас.

– В подошву вставлены лампочки, а в кармане штанов или пиджака – батарейка. Когда он касается подошвой асфальта, цепь замыкается, и лампочка загорается, – пояснил Юрка, хотя принцип был прост и любому пацану понятен.

Мимо нас медленно проехала бежевая «Победа», набитая молодыми людьми. Они высовывались из открытых окон и шумно здоровались со знакомыми.

– Это известный придурок Витя Широков, – отрекомендовал владельца машины Юрка. – Машина папина. Папа приехал к нам на ПМЖ с Урала, где работал на Авиазаводе главным конструктором. Придурка-сына мать избаловала до ужаса, потому что отцу некогда было драть его ремнём. Когда Витьку забирают в

милицию за хулиганство, отец отбирает у него ключи от машины, а мать, как курица-наседка, бросается на защиту своего дитяти, упрекая мужа в чёрствости, мол, тот жалеет больше железку, чем единственного сына.

– Сядет, – заключил Юрка. – Недавно балбесы сняли колёса с «Победы» начальника треста очистки. Дело еле замяли. Колёса, конечно, вернули, хотя только этим, я думаю, дело не обошлось... Сядет, точно.

Мимо проплыла черноокая красавица. Невозможно было не обратить на неё внимания. Короткая стрижка чёрных волос оттеняла матовость лица. Разрез губ, разлёт бровей – всё вылеплено идеально и неотразимо.

– Элька Скачко, – заметил моё замешательство Юрка. – Хороша, только ножки подкачали. Обратил внимание, что у неё юбочка сильно ниже колен? Это она изъян прикрывает.

– А что у неё с ногами не так? – удивился я.

– А ты не заметил? Кривые, как у кавалериста. Но вокруг неё всё равно хвост воздыхателей, чуваки роем вьются. Видно, брат, в этом случае главное не ноги и не голова, а смазливая мордашка.

– Что, тоже боруха?

– Да нет, скрипачка. На третьем курсе музучилища учится и в «Победу» в оркестре играет.

Вскоре мы свернули и вышли к небольшому переулку, который упирался в обрывистый берег Орлика.

Юрка жил с отцом и матерью в деревянном двухэтажном доме с двумя подъездами на четыре семьи. Мы поднялись по шаткой деревянной лестнице на второй этаж. В прихожую вышла мать, немолодая маленькая женщина. Увидела, что сын с товарищем, засуетилась.

– Пришли? Вот хорошо-то. А это Вова? Дома-то оно лучше. А то всё какие-то дела. Ну, идите, идите к Юрику в комнату, а я щас.

Мать Юрки как-то тихо исчезла, а мы пошли в его комнату. Квартирка размерами не отличалась. Ещё одна комнатка служила спальней для Юркиных родителей и одновременно кабинетом для отца, Петра Дмитриевича, доцента математического факультета машиностроительного института.

– Даже не представил меня матери, – посетовал я.

– А чего представлять? Она про тебя и так знает. Наталия Дмитриевна её зовут.

Я пожал плечами. В дверь постучалась, как поскреблась, и вошла Наталия Дмитриевна.

– А я вам щас спиртику по рюмочке налью, – заговорщически зашептала она, оглядываясь на дверь.

– Да ты что, мам! Какой спиртик, время позднее. Посидим чуть, да разойдёмся.

– Ну ладно, ладно. Это я так. Тогда щас чаю принесу с печеньем.

– И чаю не надо. Дай нам лучше спокойно посидеть да поговорить.

– Ладно, ладно, – Наталия Дмитриевна замахала руками и на цыпочках ушла, опять же тихо закрывая дверь.

В Юркиной комнате стояла металлическая кровать, письменный стол и три книжных шкафа. В углу комнаты, у дверей я заметил двухпудовую гирию и тяжёлые, наверно, пятикилограммовые гантели. Мимо книг я пройти не мог и стал разглядывать корешки томов, которые заполняли шкафы, едва уместаясь в два ряда. Здесь стояли сочинения классиков, русских и зарубежных, больше зарубежных: с Толстым, Чеховым и Гоголем соседствовали Бальзак, Мериме, Золя, Пруст, немцы Фейхтвангер, Леонгард Франк, много американцев и среди них Брет Гарт, которого я любил не меньше Марка Твена или нашего Чехова, Сэлинджер, Драйзер, Фолкнер, Фицджеральд, Синклер. Меня удивило, что в Юркиной библиотеке был Кнут Гамсун, которого не многие знали и который у нас считался автором нежелательным. Это закономерно из-за его симпатий к нацистам. Я знал, что его в России сейчас не издают, но Юркина гамсунская повесть «Голод» в переводе Блока датировалась 1903-м годом издания.

– Юр, у тебя очень приличная библиотека, – искренне похвалил я.

– Да, кое-что есть, – скромно согласился Юрка. – Кстати, у вас тоже книги клёвые. Твой отец разрешил мне полазить по стеллажам. У вас, я заметил, много книг по психологии, философская и эзотерическая литература. Это отец или ты?

– И отец, и я, – не стал жеманиться я.

– Это как-то связано с твоими психическими отклонениями? – в лоб спросил Юрка

– Почему психическими и почему отклонениями? – обиделся я.

– Да отец говорил, что в детстве у тебя было какое-то особое восприятие, что-то ты не так видел, какая-то особая энергетика, и вы с отцом пытались объяснить это с помощью науки.

– Ничего необычного. Да, в детстве и юности я иногда видел то, чего не видят другие. Теперь это прошло... Не хочу об этом говорить.

Я действительно не хотел вспоминать то время, когда во мне открывалась живительная сила. Мать говорила, что это появилось после того, как меня маленького зашибла лошадь, и я лежал без сознания и был при смерти. Я этого не помнил, но, мне кажется, я всегда обладал способностью снять чужую боль, заживить рану, погрузить человека в сон. А ещё я умел отключать своё сознание и тогда видел странные вещи, которые происходили где-то не в моём мире. Вдруг появлялись и начинали мелькать замысловатые рисунки и знаки, которые я воспринимал, но не мог понять и объяснить. Я видел диковинное. И сны я видел яркие и тоже очень странные. Бабушка Василина, когда мы ездили к ней в деревню, говорила, что сны мои вещие, только не всем их дано разгадать. Отец на это хмурился, но бабушку не разубеждал...

– Ну, не хочешь, так не хочешь, – не стал настаивать Юрка. – Пошли, я тебя с Ляксой познакомлю. Вот у кого книги!

Я посмотрел на часы.

– Да мы на минутку. Лякса под нами живёт, – заверил Юрка.

– Мам, мы ушли, – крикнул он, когда вышли в прихожую. Мгновенно появилась Наталия Дмитриевна. Вслед за ней вышел отец Юрки, Пётр Дмитриевич.

– Юра, ты недолго, – напуская на себя строгость, наказала Наталия Дмитриевна. – А ты, Вова, заходи к нам почаще.

– Пётр Дмитрич, это Вова, Юрин товарищ, – отрекомендовала Наталия Дмитриевна меня мужу.

– Рад, что у оболтуса появился товарищ, – пробубнил Пётр Дмитриевич.

– Ты, давай, не шастай по городу, а больше занимайся, – строго заметил он сыну.

– Что ты, что ты, Пётр Дмитрич! Он и так высох весь от этих занятий. Вова какой ладный, а наш – в чём только душа держится.

Пётр Дмитриевич что-то пробубнил невнятное и ушёл к себе.

Был он ростом пониже Юрки, худощавого сложения, с аскетическим лицом и маленькими аристократическими руками с изящными пальцами. «Как у пианиста или скрипача, – подсознательно отметил я. – У Юрки такие же». Сам Юрка роста был выше среднего, спортивный, широкоплечий с накачанными мышцами; в нём, казалось, не осталось ни капли жира, и потому он выглядел худее, чем был.

У Алика Тарасова квартира оказалась копией квартиры Богдановых, но жил он вдвоём с матерью, врачом «скорой помощи». Отец погиб в конце войны на подступах к Берлину. Когда Юрка познакомил меня с Аликом, и тот, назвав себя, из вежливости проговорил обычное «приятно познакомиться», я понял, почему его прозвали Ляксой. В разговоре слова с буквой «р» катались у него во рту как галушки в сметане. Хотя для этого смешного прозвища могли быть и другие поводы. Даль объясняет слово «лякать» как южное «пугать», «лякаться» – пугаться, а «лякс» – пугливый человек, а в английском языке слово «lax» переводится как «вялый», «слабый», «нерешительный». Всё это соответствует характеру Алика, парня с робким взглядом умных и настороженных глаз.

Алика мы застали дома одного, мать дежурила на «скорой помощи». В комнате Алика всю стену от двери до окна занимали книжные шкафы, заполненные, а лучше сказать, забитые книгами. Но меня не интересовал классический набор собраний сочинений и длинные ряды известных авторов. Зато я жадными руками брал старинные фолианты, держал их и листал, проникаясь благоговением к именам давно ушедших писателей, составивших славу «золотого века» литературы. Здесь был В.П. Мещерский в пяти томах 1879 года издания, Жуковский в четырёх томах 1895 года издательства Глазунова, сборник стихов Андрея Белого «Золото в лазури» (1904 года) и двухтомник Аполлона Майкова 1914 года, изданного Марксом приложением к «Ниве», а ещё «История цивилизации Англии» Бокля. Я с интересом разглядывал «Детский географический атлас» аббата Прево (1767 года) и понял, что к Алику я теперь ещё не раз загляну, тем более, что у него есть и эзотерическая литература, которую просто необходимо посмотреть. А зелёную книжечку П.Д. Успенского «Четвёртое измерение» второго издания 1914 года я робко выпросил, чтобы взять на денёк домой.

Алик, скорее от скуки, увязался провожать меня вместе с Юркой.

Ленинская всё ещё жила растревоженным муравейником, хотя народу стало меньше, чем час назад. Зато Московская выглядела малолюдной, и только полупустые трамваи нарушали ночную тишину.

На перекрёстке Московской и Степана Разина мы расстались.

Глава 6

Языки давались мне легко, и я уже к концу первого семестра понимал английскую речь, кое-как говорил, но взялся за Диккенса на английском и читал, продираясь через трудный в оригинале язык, осваивая богатый лексикон писателя, постепенно проникаясь уважением к добру и человечности его героев и получая удовольствие от языка, пронизанного юмором романа «Домби и сын» с его протестом против бесчеловечности общества и любовью к простому, но честному и трудолюбивому человеку.

Я понял Толстого, когда он, предвкушая удовольствие от чтения Диккенса, говорил своим домашним: «Там он сидит в моей комнате, дожидается меня. Как хорошо. Он любит слабых и бедных и везде презирает богатых»...

Латинский и языкознание нам преподавал Юрий Владимирович Зыцерь. Был он молод, вряд ли старше тридцати лет, и тянулся к нам, стараясь стереть грань статуса преподавателя и студента. Зыцерь как-то сразу расположился ко мне, отметив моё некоторое знание латинского. На одном из занятий я на память прочитал небольшой отрывок из первой речи Марка Туллия Цицерона против Луция Сергия Катилины, которую он произнёс в сенате: «Quosque tandem abutere, Catelina, patientie nostra? Quam diu etiam furor iste tuos nos eludet? Quem ad finem sese effrenata jactabit audacia?». «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго ещё ты, в своём бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знаящей узды?».

Латинский я более-менее освоил, когда пришлось обратиться к анатомии в пору моего отрочества. Тогда в полной мере проявились мои способности к лечению энергией рук, а к речи Цицерона я обратился, как к первоисточнику, который смог найти.

Когда я прочитал отрывок, Юрий Владимирович просил и большую часть пары проговорил о Цицероне, о том, что всех речей, дошедших до нас, было 58, а также мы узнали, что Цицерон выступал с обличительной речью против Катилины не только по причине заботы о благе государства, но и по личным мотивам, так как Катилина нанёс ему много бед и оскорблений, например. Отсюда и грубые выпады в адрес противника. Хотя это не мешает нам в полной мере воспринимать красоту речи, которая являет-

ся эталоном классического латинского языка. Недаром Цицерон считается основоположником римской классической прозы...

Как-то, уже ближе к концу семестра, Зыцерь пригласил меня к себе домой. Мы уже довольно свободно общались, хотя я старался соблюдать естественную дистанцию, которая не могла не существовать между преподавателем и студентом. Может быть, с его стороны были естественными равноправно-дружеские отношения со студентом, я, из-за архаичности моего воспитания или из-за своего особого психического склада, перейти эту черту не мог, а поэтому стеснялся и чувствовал себя скованно, хотя мы с Юркой Богдановым ходили к Зыцерю на факультатив испанского, который он вёл на общественных началах, и даже участвовали в концерте, посвящённом сорокалетию Октябрьской революции, который режиссировал наш преподаватель.

– Можно мы с Богдановым придём? – попросил я.

– С Юрой? Конечно, приходите, – разрешил Юрий Владимирович.

Жил Зыцерь в четырёхэтажном кирпичном доме, построенном специально для профессорско-преподавательского состава в пяти минутах ходьбы от института.

Мы поднялись на третий этаж. Позвонили в квартиру.

Открыл нам Юрий Владимирович. Он провёл нас в скромно обставленную комнату. На стене висели полки с книгами. Посреди комнаты стоял круглый стол с двумя стульями, в углу у окна – мягкое кресло с торшером, напротив – диван с круглыми, откидными валиками. На этом диване наш преподаватель, очевидно, и спал.

– Извините за бедность жилья, – улыбаясь, сказал Юрий Владимирович.

– Бедность – не порок, – серьёзно изрёк Юрка.

– Я бытом заниматься не умею, да и не привык: ведь всё по общежитиям. Сначала университет, потом аспирантура, защита. В аспирантуре нам с женой выделили комнату. Но опять в общежитии.

– А где жена? – бесцеремонно спросил Юрка.

– Она осталась в Питере, а я вот сюда.

– Что, не поехала, или учится?

– Не поехала, – развёл руками Юрий Владимирович. – Наверное, мордой не вышел.

Шутка на уровне каламбура, потому что Зыцерь был на редкость некрасив. Узко поставленные мышинные глазки, по-негритянски вывернутые губы, большой мясистый нос, да ещё оттопыренные уши. При этом высокий лоб мыслителя и хорошо сложенная фигура атлета. Правда, некрасивость пропадала, когда Зыцерь начинал говорить. Всегда это было образно и интересно. Язык его украшали точные метафоры и меткие сравнения. Так что через минуту-другую общения никто уже не замечал его оттопыренных ушей и мясистого носа.

– Если честно, то женитьба – это наша с ней общая ошибка. Поженились на третьем курсе. Показалось, что любовь, но, очевидно, нас первоначально связала некая общность взглядов и интересов, которые со временем изменились. Я видел свою жизнь в науке, и был для меня существовал, как понятие абстрактное и второстепенное, а потом из неё как-то незаметно выползла её мешанская сущность. Я постепенно понял, что это её истинная натура. Как только я стал зарабатывать какие-то деньги после защиты кандидатской, пошли разговоры о том, как богато живут Пантелеевы, которых я знать не знал и видеть не видел. Чей-то муж «Москвича» купил, кому-то шубу достали, у кого-то хрусталём вся «Горка» забита. А у меня в голове докторская. Мой предмет увлечения – баски, точнее культура басков. Я же и кандидатскую защищал по баскам, причём, на испанском...

– А как усвоили испанский? – поинтересовался Юрка.

– Ну, во-первых, я в ЛГУ учился на филологическом, где кроме французского факультативно изучал испанский, а разговорный совершенствовал в естественной среде. У моей жены испанские корни. Её привезли в нашу страну совсем малышкой, а потом

в СССР перебрались мать, отец и старшая сестра. Я и в Испании побывал.

– Ладно, ребят. У меня есть вино. По рюмочке? – предложил Владимир Владимирович.

– А давайте! – не отказался Юрка. – Ты как? – повернулся он ко мне. Я пожал плечами,

Юрий Владимирович ушёл на кухню и вернулся с бутылкой мадеры и тремя гранёными стаканами, потом принёс тарелку с конфетами «Мишка на севере» и яблоки в эмалированной миске.

Мы выпили. Юрка взял яблоко, я закусил конфетой.

– Почему об Испании говорят, что это страна басков? Ведь в Испании, насколько я знаю, живут ещё кастильцы, галисийцы, другие народности, – блеснул эрудицией Юрка.

– Да, испанцы – потомки многих народов, но вне страны они все испанцы, хотя внутри такого единства нет. Местный житель назовёт себя галисийцем, кастильцем, арагонцем и так далее, но есть общие черты и для галисийца, и для андалусца, и для других, которые делают их испанцами: гордость, которая, правда, иногда доходит до абсурда, вспыльчивость, честность. Так что большая часть населения страны считает себя испанцами. 38 миллионов в 17 автономиях.

– А тогда, где баски?

– А баски – это народ, который населяет так называемые баскские земли, расположенные на севере Испании и на юго-западе Франции. Кстати, происхождение басков – одна из самых больших загадок. Тысячелетиями сохраняя национальную самобытность, баски давно утратили единство и независимость, но все семь областей Большой Басконии, в частности испанские Баскония и Наварра, добиваются объединения и стремятся вновь обрести свою Эускади. (Эускади – баскское название «Страна Басков».)

Последние слова Юрий Владимирович произнёс страстно и торжественно, и видно было, что он готов идти на костёр как Джордано Бруно из любви к свободолобивому народу и солидарности с ним.

– Баски только в Испании?

– Нет. Ещё в странах Латинской Америки, где их даже больше, чем в Испании. В Испании где-то около 950 тысяч, в Латинской Америке – миллион с четвертью. Одно время обсуждалась гипотеза, что баски – это армяне. Потом высказывались мнения, что они – древние грузины, которые с территории нынешней Грузии ещё в незапамятные времена переселились на Пиренейский полуостров. Были учёные, считавшие басков выходцами из легендарной Атлантиды. Однако наиболее близким по лексическому и фонетическому значениям к баскскому языку всё же приближается грузинский, в частности мингрельский диалект, и я хочу доказать, что баскско-кавказское родство не только возможно, но всё больше становится очевидным. Недаром же вплоть до XVII века грузинские историки называли Страну Басков – Сакартвело, то есть Грузия...

Мы слушали учителя внимательно и наш интерес к истории и культуре этого таинственного и удивительного народа был неподдельным, но когда Юрий Владимирович увлёкся и стал углубляться в одному ему понятные проблемы теории языкознания, мы почувствовали неловкость: наши знания по этому предмету были не столь обширны, чтобы разобраться в социологических и лингвистических исследованиях учёного.

Как бы спохватившись, Юрий Владимирович перевёл разговор на свою студенческую жизнь, и стал рассказывать о городе на Неве, университете, преподавателях и друзьях. Рассказывал весело с юмором, так что мы с Юркой вволю посмеялись, а когда засобирались уходить, Зыцерь вызвался проводить.

Погода стояла морозная и безветренная, серебристый диск луны застыл на чистом небе, и снег сказочно искрился под её холодным светом, поскрипывал под ногами. Снегоуборочные машины, очищая дорогу, сдвигали снег к тротуарам и его постепенно увозили самосвалы. Люди шли навстречу или обгоняли нас,

а мы неторопливо шагали по тротуару, наслаждаясь чудесным зимним вечером, и вели неспешный разговор, который больше походил на монолог, потому что мы больше слушали учителя, чем говорили сами.

У Красного моста Юрка повернул на Ленинскую, а Юрий Владимирович пошёл со мной в мою сторону.

– Володя, я хотел сказать Вам: мне нравятся ваши переводы стихотворений английских поэтов. Это полезное, но, не хочу Вас обидеть, бесперспективное занятие. Ведь вы берёте тексты из антологий? Так?

– Так, – согласился я.

– Но в большинстве своём эти стихи уже переведены классиками литературы. Английскую поэзию переводили Жуковский, Бальмонт, Карамзин, Тютчев, Фет, Блок, Брюсов... Впрочем, легче назвать тех, кто не переводил. Пастернак, например, переводил не только пьесы Шекспира, но и стихи Байрона, Шелли. И лучшие переводы Маршака связаны как раз с англоязычной поэзией. Самые лучшие переводы Роберта Бернса принадлежат Маршаку. Он же переводил Блейка и Стивенсона... Вы же не станете отрицать, что соревноваться с ними трудновато?

– Да что Вы, Юрий Владимирович, – стал оправдываться я. – У меня и мысли такой не было. Это своего рода досуг. Кто-то кроссворды разгадывает, кто-то носки вяжет, а я вот пытаюсь...

– Да Вы, Володя, не извиняйтесь. Я же говорю, переводы хорошие и это, как бы сказать помягче, набивает руку, и в определённой степени развивает чувство языка... А Вы не пробовали писать прозу?

– Пытаюсь, – не стал я скрывать своё сокровенное, чувствуя, что краснею.

– Я так и предполагал. Вы не могли бы дать мне что-нибудь прочитать?

– Да это всё сырое и требует работы...

– Неважно. Мне кажется, что у Вас должна получаться проза. Может быть, на первых порах я смог бы помочь Вам советом. Так как?

– Хорошо, – согласился я. – У меня есть рассказ, который я могу показать. Но... не судите строго.

Некоторое время мы шли молча. Я заметил, что Юрий Владимирович имел обыкновение неожиданно замыкаться и как бы уходить в себя. Меня это не напрягало, мне знакомо было это состояние: нечто похожее происходило и со мной, и, пребывая в нём, я не чувствовал дискомфорта.

– Володя, – спросил вдруг Юрий Владимирович, когда мы уже свернули на мою улицу. – Вы знаете Милу Корнееву?

– Знаю. Она из компании Валерки Покровского.

– И как она Вам?

– Красивая девушка, – искренне сказал я, – но я в их компании, хотя и бываю, но как-то близко ни с кем не сошёлся.

– У неё есть парень?

– По-моему, нет. А что?

– Не знаю, как сказать. Понравилась. Увидел – и как-то запала в душу...

Я вспомнил, что Юрка вот так же спрашивал меня про Машу. Состояние влюблённости было его естественным состоянием. Девушки липли к нему, он их любил, но расставался с ними легко, предпочитая кратковременную связь серьёзным отношениям. Девушки появлялись и уходили, а расставания оставались лёгкими, без взаимных упрёков и обид. Хотя мы все тогда хотели любить и любили. В нас сидел инстинкт любви. Флюиды любви формировали какое-то общее для нас биополе. И не было места унынию и печали, и жизнь представлялась прекрасной и вечной.

...У моего дома мы распрощались. Я немного постоял, глядя, как Зыцерь, твёрдо ступая и чуть сутулясь, растворяется в ночи нашей темной улицы, где нет ни одного фонаря, и только слабый свет из окон одноэтажных деревянных домов чуть обозначает дорогу.

(Продолжение следует)

Владимир САМАРИН

ТРАМВАЙНОЕ КОЛЬЦО

Варвара Николаевна, кондуктор трамвая-«двочки», открыла зимний сезон, явившись народу в серо-бурой солдатской ушанке без звезды; на длиннополое пальто был напялен ватник, выцветший из зелёного в рыжий цвет.

Тренькнул сигнальный звонок и привёл в движение вагон. Одновременно с ним двинулась по проходу меж сидений Варвара Николаевна. Билеты и сдачу с оплаты за проезд она вручала пассажирам с улыбкой, словно дарила.

Маршрутом № 2 «Текстильщики – Кирпичный завод» чаще следовали формовщики и обжигальщики, а в обратную сторону – станочники, литейщики да слесаря. Народ преобладал душевный, уважительный. Вот поверх кепок и бабьих платков приветствует Варвару Николаевну сухая костистая ладонь Сергея-плиточника: она узнаваема по редкой татуировке под пальцами изнутри. Сейчас ладонь не помахивает, а весело трепещет: значит Сергей получил хороший заказ на облицовку санузла в элитном микрорайоне.

Двое пассажиров, покинувших вагон на остановке у роддома, вернули Варваре Николаевне билеты; бульдозерист Костя приложил ещё и двугривенный. Тихо пояснил:

– Это тебе, Варенька, заслуженные чаевые...

– Спасибо, милый!

Вообще милыми, хорошими были для неё все находившиеся в вагоне. За исключением нарсудьи на пенсии Качановой. Когда входила эта дама, ей уступали место даже инвалиды на костылях, иначе для каждого у неё был готов приговор. Например, электрика Алексея Типунова она обвинила за отказ бесплатно установить в её квартире счётчик. Алексей вежливо пояснил:

– Я поставлю бесплатно, если вы принесёте и покажете букву закона...

У сквера Танкистов в вагон зашёл рослый, с мудрым отличием лица, старик. Он был сильно хром и поддерживал равновесие в движущемся трамвае с помощью массивного самодельного посоха.

Свободных мест было много в передней части вагона. Мужчина попытался пройти туда, но удалось ему сделать лишь пару шагов: качнуло к креслу, на котором восседала Качанова. Нарсудья поморщилась и что-то сердито проворчала.

Тут освободилось сразу несколько сидений – люди приглашали старика занять их место. Встал и дядечка с повитыми серебром усами.

– Вы с какого года рождения, уважаемый? – спросил чело-
век с костылём.

– С двадцать шестого, – ответил сереброусый.

– А я – с двадцать седьмого. Так что должен вам как старейшему уступить...

К разворотному кругу приехали по графику. Здесь была конечная. В освободившемся вагоне Варвара Николаевна словно осиротела. Достала из «личного отделения» кондукторской сумочки зеркальце, смущённо заглянула в него. Ничего нового – из серебристого стекла выглянула хорошо знакомая девушка-очаровашка с глазами небесной голубизны; светло-розовые уста нежно покоились на белом бархате лица. Маленькие размеры зеркальца исключали из портрета нищенское одеяние сирой беднячки с Васильевской улицы.

Варе пришлось с пятнадцати лет принять на себя заботу о маленькой сестре. Отец их после ранения на афганской войне долго не протянул, вскоре за ним умерла и мать. Варя определилась на работу в почтовое отделение: бегала с телеграммами по частному сектору Орличной слободы. Приняли малолетку на работу лишь потому, что разнощиком телеграмм по закоулкам слободы никто не хотел быть: боялись злобных собак, прижитых в каждом дворе.

В один из предрождественских дней Варя принесла телеграмму главному трамвайщику Вигунову. Дом его был самым видным в Орличной, и собаки – самые злые. Телеграммы Вигунову доставлялись обычно почтовой машиной, но пришлось подключить Варю, когда «Волгу» отправили в ремонт.

Чтобы миновать дом начальника ТТУ, люди заблаговременно переходили на другую сторону улицы: боялись собак-сторожей. А Варя – ничуть, даже приятеля завела из числа вигуновских четвероногих – Арса, овчара немецкой породы.

На столбе-держателе тяжёлой решётчатой калитки была укреплена кнопка звонка. В тот раз она не сработала, и Варя стала размышлять: как иначе вызвать хозяев.

По широкому двору меж посаженных недавно маленьких ёлочек и лиственниц резвилось полдюжины собак. К калитке

подошла одна – грустная: морда вниз, глаза – вверх. Тяжёлой цепью она была пристёгнута к стальному тросу, натянутому от забора до дома. Пёс должен был, наверное, своим лаем заменять звонок.

Чёрный нос просунулся между проволочными пересечениями, громко, но не сердито засопел. Варя присела на корточки и бесстрашно погладила собачий нос. Овчар растерялся, встряхнул головой, зазвенел цепью.

– Бедненький... – Варя подтянула собаку ближе к изгороди, нажала пальцем на замок-пружину. Овчар радостно затоптался на месте, тихо-сладостно взвизгнул. Прочь от изгороди не побежал; присел на задние лапы, заулыбался Варе широко распахнутой пастью с весёлым розовым языком.

– Что же ты не бежишь к своим, дурачок? Хотя немного поиграешь, пока снова не пристегнут!

Овчар слушал внимательно, двигал ушами, словно радары наводил. Потом весь напрягся, сделал скачок вправо от калитки и с громким, но радостным лаем помчался к дому.

Под навесом крыльца хозяин давно наблюдал встречу девочки и собаки.

– Арс, рядом! – скомандовал начальник трамвайщиков и зашагал к калитке.

Поздоровавшись, он расписался в получении телеграммы, но уходить не спешил.

– А я тебя знаю: года два уже бегаешь по слободе. Мне всегда почту машиной доставляют...

– Наш пикап сломался.

– Ты меня весточкой хорошей обрадовала. Я, значит, в долгу...

– Да что вы! Это было совсем не сложно.

– А собаки?

– Они мирных не трогают...

Через неделю за Варей приехала машина из конторы Вигунова. Возвратилась девушка счастливая, будто услышала предложение сердечного друга. Главный трамвайщик пообещал взять на работу кондуктором. Так и сказал: «Хватит по улицам бегать. Лучше на трамвае покатайся...».

Второй номер накрутил уже семь кругов, когда в салоне появилась группа молодцов. Варвара Николаевна догадалась, что это хохлы со стройки нового корпуса детской больницы. Удивительно, но каждый приобретал билет только для себя, а потом все на минуту умолкали: пересчитывали сдачу.

– Ну, чё ты считаешь? – возмутился рыжий парень, только что присевший рядышком к одному из хохлов. – Русские кондуктора с трудового человека копейку не тянут...

В рыжем Варвара Николаевна узнала Палеху – художника с часового завода. В «Янтаре» изготавливали не только оглушающе-громкие будильники, но и сувенирные часы с лаковыми миниатюрами посреди циферблата. Палеха был одним из рисовальщиков.

Когда глаза Палехи встретились с взглядом Варвары Николаевны, парень блеснул белозубой улыбкой.

– А я тебе, Варенька, всё никак не могу подарочек донести...

Из внутреннего кармана пальто он извлёк небольшую коробочку в красном бархате, протянул Варваре Николаевне:

– Я это больше недели у самого сердца ношу. Согреваю...

От добрых слов у Варвары Николаевны громче застучало сердце, нервно затрепетали губы:

– Спаси вас Боже, Виктор Алексеевич...

В диспетчерской указали перегнать трамвай в тупик для осмотра электродвигателя. Пока ремонтники не подошли,

Варвара Николаевна заговорщицки сообщила вожатой Свете Бухтияровой:

– Хочешь одну штуку покажу...

Уселись в салоне так, чтоб можно было наблюдать входную дверь технического пункта.

Варвара Николаевна извлекла из кондукторской сумочки алую коробочку. Долго искала, куда надо нажать, чтоб раскрыть её. У Светы тоже ничего не получалось сначала, но она попробовала сдвинуть в сторону отделанные бархатом плоскости коробки. При одной из таких попыток крышка легко заскользила, и глазам предстало: на медальоне, размером не больше пуговицы для пальто, горели два светильника – розовым и голубым светом, а между ними сияли на одухотворённом лице очи Матери Божией. Трисияние это словно растекалось из миниатюрной шкатулки по салону трамвая, душе становилось легко и радостно.

Разинув рот, вагоновожатая нежно-бережно перебирала двумя пальчиками звенья тонкой узорчатой цепочки, прикреплённой к медальону. Вершину чудесной иконки венчал осьмиконечный православный крест.

– Где ты это достала? Мне бы такой...

– Палеха подарил.

– Вишь как! Тебя мужики любят...

Светлана с железным костылём пошла передвигать стрелку: ремонтники призывно махали руками.

Когда подъехали к смотровой площадке, бригадир слесарей-электриков обрадовал:

– Задержка будет не меньше часа, так что валяйте по своим делам...

Варвара Николаевна заспешила на остановку. Успела вскочить в отправляющийся четвёртый номер. Из-за этого сердито затренькал звонок-сигнал.

Совершенно пустой вагон оживляла лишь фигура кондукторши со скаткой билетов ниже груди. На скамье она сидела боком, неловко. «Новенькая...» – посочувствовала Варвара Николаевна.

Кондукторша нехотя поднялась, опираясь на трубчатые спинки сидений.

– Вам трудно за билетом подойти? А у меня от этих ходок с пяти утра из ног последние силы ушли...

Варвара Николаевна молча показала книжечку со скрещёнными ключами-молоточками на обложке. Кондукторша недовольно насупилась, попеняла:

– Надо при входе удостоверение показывать...

На остановке, пыхтя, с немалым трудом влез мужчина.

– Проездной! – облегчённо выдохнул он, успокоившись на сиденье.

Против мощного тела кондукторша возражать не посмела. Зато подоспела Варвара Николаевна:

– Предъявите документы, молодой человек!

«Молодой человек» лет пятидесяти обернулся, разглядел Варвару Николаевну и приподнял кепку для приветствия:

– Варенька! Я в один миг!

Оплатив проезд, он присел рядом с Варварой Николаевной, тихо спросил:

– Рубликов двадцать на пиво найдёшь? Кризис у меня...

Варвара Николаевна похлопала ладошками по карманам ватника, извлекла крохотный кошелек с мелочью. Это были деньги на хлеб, их она держала отдельно для покупки самого необходимого. В денежное отделение кондукторской сумки без служебной потребности не заглядывала. Полученное от пассажиров ей всегда отдавали при отчёте за билеты: «Это, наверное, ваши деньги».

– Толик! Смотри у меня.., – Варвара Николаевна протянула три медных червонца. – Это на пиво, а за водку спрошу по строгости!

– Зуб даю, – осклабился пятидесятилетний Толик, – с аванса и за сегодняшнее и за позавчерашнее верну...

Толик работал водолазом на спасательной станции. Деньги всегда возвращал, но очень неаккуратно. Однажды вручил тысячную купюру. На недоумение Варвары Николаевны ответил просто:

– За месяц вперёд с тобой рассчитываюсь. Иначе сегодня пропью или жена ликвидирует.

Из кухни выплывал аппетитный аромат поджаренного лука. «Дуняшка пришла», – обрадовалась Варвара Николаевна. В швейном ПТУ, где училась сестрёнка, строго следили за посещаемостью училищной столовой. Внушалось, что так воспитывается коллективизм.

Для Дуняшки и вообще для большинства девочек агитация о пользе столовой была излишней. Причина – повальная безотцовщина и связанная с ней нищета семей.

Поварахи подкармливали Дуняшку за добровольное участие в чистке картофеля, за мытьё и нарезку овощей. Предлагали за труды даже котлеты и сырники, но Дуняшка напрочь отказывалась. Объясняла:

– Мясо, сливочное масло, творог все должны кушать по-ровну...

Домой для сестры она приносила баночку супа – свою порцию. Важным Дуняшка считала полученные от поварих уроки кулинарии. Научилась выпекать из картофеля, начинённого луком, оладьи; готовить омлет «а ля Дуня» из одного яйца и высушенных хлебных крошек.

В этот раз она колдовала над приготовлением «обеда из конверта». Совсем недавно выяснила, что пакетированный перловый суп не уступает столовскому, а добавки картофеля и лука, прожаренного с морковью, поднимают ценность блюда до ресторанного уровня.

– Вкуснятина! – откушав горячее, похвалила Варвара Николаевна, даже ложку облизала.

– Варь, в благодарность за моё усердие разрешишь поехать вместе с тобой кондуктором?

– А справишься? Народ-то знаешь, разнообразный какой! Впрочем, один круг попробовать можешь.

Поздняя осень приносила в старый город не только красно-жёлтые листья с ближних дач. Гораздо больше по улицам и дворам рассеивалась скука: пешеходы сиднем сидели по домам, машины замирали на обочинах. Зато оживало сообщество трамвайных пассажиров. Создавалось впечатление, что люди не спешат покидать вагон и готовы совершить не один рейс по знакомому маршруту.

Дуняшке нравился скромный трамвайный уют: чисто вымытые стёкла просторных окон, печка-грелка под рядами сидений. Один из трамваев второго маршрута прибавлял к объявлению остановок короткие экскурсионные радиосообщения:

– Улица Предпринимателей, – звенел вежливый женский голос. – Следующая остановка «Школа милиции»!

Эта часть текста вызывала улыбки пассажиров.

Дуняшка билечивала легко передвигаясь по вагону. Молодым улыбалась, пожилым говорила: «Здравствуйте», а когда они шли к выходу, желала всего доброго. Варвара Николаевна хмелела от счастья, больше всего удивлялась, что сестра не устаёт быть вежливой – а ведь четвёртый круг завершает.

Ни Дуняшка, ни Варвара Николаевна не обратили внимания на человека, вошедшего у Крестительского кладбища. С задней площадки мужчина показал проездное удостоверение, и Дуняшка признательно улыбнулась. Она не могла представить, что появлению на линии вежливого и учтивого кондуктора обрадовался больше всех именно этот человек – начальник трамвайно-троллейбусного управления города Александр Иванович Вигунов. И когда он заметил сидевшую невдалеке от кондукторши Варвару Николаевну, решил: «Надо поделиться впечатлением!».

Поздоровались. Варвара Николаевна тихо спросила:

– А почему вы не машиной? Сломалась?

– Нет, это проверка окопов. Я таким образом лучше познаю работу низов...

– И помогает?

– Сегодня – да. Посмотрите на эту веселушку: настоящая трамвайная фея. Не из вашей бригады девчонка?

– Из нашей, – Варвара Николаевна смущённо потупилась, – то есть это сестрёнка моя. Попросилась один круг побыть на месте кондуктора...

– Студентка, наверное. А где учиться?

– В профтехучилище на Карачевской...

Вигунов задумался, но не надолго. Заговорил весело:

– Знаете что... Давайте показательную поездку устроим кондукторам. Пусть учатся у передовой молодёжи!

– А Дуняшке ещё нельзя: ей и шестнадцати нет.

– За безопасность пассажиров будешь ты отвечать. Получатся смотрины – премию выпишу, а ей – ценный подарок. Что посоветуете?

– Хорошо бы шубку, подешевле какая...

Вигунов внушительно крикнул, переспросил:

– Может, лучше отрез на платье?

– Платица-то у неё есть; и праздничное одно. А вот на улицу выходить холодно. Под пальто напяливаю ей «сорок одёжек и все без застёжек»...

– Подумаем...

«Обход окопов» Вигунов завершил проверкой сбережения государственных средств: пошёл к выходу через среднюю дверь. Следовавшая за ним Варвара Николаевна буквально опешила, когда Александр Иванович всучил Дуняшке билетик.

– Спасибо, не надо, – Дуняшка вежливо отвела руку Александра Ивановича.

Вигунов удивился, потому что был сыт легендами о кондукторах, ставших за счёт кассы ТТУ миллионерами.

Первую показательную работу запланировали на день, когда в училище выходной. Утренняя смена сразу обратила внимание на Дуняшку. Ещё бы: ловко пригнанная, по росту шинель, одним цветом с ней тёплый берет, из-под него – два голубых банта, как живые цветы, выглядывают. Единственный экземпляр парадной кондукторской формы был пошит Дуняшкой в мастерской ПТУ. Народ об этом не ведал и придумал свою версию:

– Новенькая. Поэтому и форму ей дали. Хорошо, что возвращаемся к прежним временам, – довольно убедительно объяснила кондуктор туристского трамвая.

Ей возразила вагоновожатая Сомова:

– Думаю, что она и будет показывать нам передовой опыт.

Дуняшка волнительно ждала своего часа, но держалась стойко. Зашёл Вигунов. Все вразной поздравались. Александр Иванович ответил коротко:

– Желаю всем успеха.

Двенадцать женщин-кондукторов последовали за ним, как двенадцать апостолов за Христом. Назначенный для учёбы трамвай был уже наполовину заполнен. Входили шумно, торопились занять остававшиеся ещё свободными места. Производилось это азартно, чуть не наперегонки.

Не осталось места поднимавшимся в вагон последними – Вигуну и новенькой.

– Доброе утро всем! Трамвай отправляется через три минуты...

Варвара Николаевна расслышала, что голос Дуняшки заметно дрожит. Но по виду она совершенно спокойна.

Дуняшка прошла по центру вагона, при этом с выражением благодарности на лице принимала деньги за билеты от пассажиров и кондукторов.

Александра Ивановича удивило, что кондукторы преспокойно оплачивали билеты, имея в карманах проездные удостоверения. Одна Сомова не выдержала:

– Что же ты, девушка, со всех за билеты деньги берёшь?! У меня, например, проездное удостоверение есть...

– Предъявите, пожалуйста, и получите назад ваши деньги.

Сомова пошарила в карманах и, густо покраснев, призналась:

– Я сегодня оставила его дома, потому что с обеда у меня рабочая смена.

– Простите... Я поняла, – Дуняшка выскребла мелочь из кулачка, протянула Сомовой.

– Это безобразие! – раздался глас женщины в мужских брюках и мужской кепке. – Вот так городской бюджет и разбазаривают! Вы готовы компенсировать неоплаченный проезд?

– Да, конечно. Моей сестре Варе это приходится делать чуть не каждый день, в городе много бедных!

– А ты богатая?

Головы всех повернулись к Дуняшке: хотели услышать ответ.

Дуняшка, потупясь, сказала серьёзно:

– Да, я готова оплатить стоимость и вашего билета. От расхода в десять рублей не обеднею...

Подошла к водительской кабине, попросила микрофон.

– Желаящим посетить музей Лескова удобнее сойти на следующей остановке. Студенты! Не забывайте папки и портфели в вагоне.

Александр Иванович покинул трамвай, когда завершили второй круг. Вслед за ним разбежались кондукторы.

– Кто на смене-то останется? – поинтересовалась вагоновожатая.

– Объяви, что вагон следует в депо, – тихо подсказала Варвара Николаевна. – Это был круг вне расписания, извинись, конечно...

На стояние-проходку в сквере у Дома офицеров затащила Дуняшку подруга Ксения. Даже белые туфельки-лодочки ссудила. Добавила и словцо:

– Вечером они, как светлячки, будут привлекать к тебе внимание. Представь: мы стоим и болтаем о чём-нибудь, а парни один за другим подходят к тебе и приглашают на танец. А ты говоришь каждому: «Танцуйте с Ксенией...».

Дуняшке казалось, что туфельки и вправду приманивают партнёров. Один подошёл, слегка покачиваясь, дышал винным перегаром в лицо:

– Можно?

Дуняшка растерялась, но, вспомнив наказ подружки, объяснилась:

– Я немного устала. Потанцуйте, пожалуйста, с Ксенией...

Ксения с кавалером лихо понеслись навстречу фокстроту. Дуняшка сразу почувствовала одиночество, будто все улетели в страну музыки, и только одна она осталась в непонятном ожидании под старым вязом...

Белые лаковые туфельки, аккуратно примкнувшие у двери к старым синим ботам, Варвара Николаевна заметила уходя на работу. Пожалела, что спала, когда Дуняшка вернулась с танцев: «У неё точно какая-то история случилась!».

Осень развешивала разноцветье на деревьях, но не изменяла их извечный характер и стать. Росли у магазина «Белый крик» две плакучие ивы, под лёгким ветром струились к земле и тихо позванивали осенним серебром их гибкие ветви. У выросших по соседству берёз покачивались только верхушки: природа сохраняла стройность белых в чёрную крапинку стволов. Теперь и их охватила печаль: берёзы присоединили голоса своих ветвей и опадающих листьев к грустному хору плакучих ив.

Под поющую тишину наплывала дрема. Не смог одолеть её колдовской силы и человек с букетом белых хризантем. Он явно кого-то ждал: сутулился на скамье остановочного павильона, лихорадочно вглядывался в каждого выходящего из вагона трамвая.

Варвара Николаевна почувствовала в этом явный непорядок. Просигналила водителю – придержать отправление, спустилась на подножку задней дверцы трамвая и, сложив рупором ладони, известила мужчину с цветами:

– Вагон маршрута номер два отправляется!

Для убедительности добавила:

– Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – Парк Ботаника...

Словно подкинуло мужчину с цветами: сорвавшись со скамьи, он бросился к вагону и успел проскочить на заднюю площадку прежде, чем захлопнулись створки трамвайных дверей.

– Напрасно лихачите, молодой человек, – отрывая от скатки билет, Варвара Николаевна посчитала необходимым сделать замечание.

– Так это ж вы меня побудили: объявили, как в московском метро. Думаю, что напрасно жду хорошего человека, но «передо мной явились вы».

– Я не явилась, а приехала, – скользнув улыбкой, уточнила Варвара Николаевна.

– Это другой человек так говорил: Александр Пушкин.

– Ну да, в школе его задавали, – Варвара Николаевна выдержала паузу.

– А как вас зовут? Меня – Варвара Николаевна...

Собеседник серьёзно призадумался, даже глаз прищурил. Потом наклонился к уху кондуктора и таинственно зашептал:

– Имя моё – Пантелеймон, отчество – Исидорович.

Вслух же произнёс громко:

– Павлом меня зовут!

Когда подъехали к его остановке, Павел вручил Варваре Николаевне букет хризантем. Она смутилась; забыла даже спасибо сказать, спрятала лицо в белые соцветия.

– Ну чё ты нюхаешь? Давай билет! – вернул в реальность голос вошедшей пассажирки. – А цветы могу купить у тебя...

«Жди!» – безмолвно, но властно произнесла Варвара Николаевна...

(Продолжение следует)

Леонид ТУЧНИН: «Мгновения истории»

Известный фотомастер Леонид Михайлович Тучнин представил в библиотеке имени И.А. Бунина свою фотовыставку «Главная площадь» (серия из ста фотографий по истории площади Ленина в г. Орле 1975–2018 гг.), об этом мы рассказали в предыдущем номере журнала.

Сегодня продолжаем представлять работы Л. Тучнина. Его архивные фотоснимки о многом расскажут современному поколению. Это истинные мгновения истории.

Колонна мира 1 мая 1986 г.

Писатель А. Солженицын в Орле. 5 августа 1995 г.

В праздничных колоннах 7 ноября 1988 г.
Знаменитый гармонист Геннадий Калмыков

Октябрята приветствуют ветеранов. 9 мая 1982 г.

425-летие г. Орла. 1991 г.

450-летие г. Орла. Развод Президентского караула 5 августа 2016 г.

Встреча участников велопробега Оффенбах – Орёл. 5 августа 1991 г. Известные орловчане – певица Таисия Казарина и журналист-путешественник Валерий Сальников (в центре)

«Зеваки». 9 мая 2000 г.

Забастовка водителей станции «Скорая помощь». 1992 г.

Встреча грамоты Президента РФ В.В. Путина о присвоении г. Орлу Почётного звания «Город воинской славы», 2007 г.

«Бывшие кумиры». Пикет 20 августа 1991 г.

Международный фестиваль духовых оркестров. Брянские мажоретки. 2010 г.

Участники международного фестиваля духовых оркестров из Бурятии. 2010 г.

Геннадий МАЙОРОВ

ГАРАЖ

Степаныч с детства любил машины. У других развлечения: рыбалка, грибная охота, домино, – а он с утра до ночи пропадал там, где взрослые колдовали над редкими в те годы личными автомобилями. У мальчишки кроме интереса к технике была ещё и прирождённая сметливость, он буквально на лету схватывал все тонкости, накрепко усваивал секреты старых мастеров. Так что к юношеским годам вполне прилично освоил ремонтную науку. А потом в армии, выучившись на шофёра, прослыл незаменимым мастером, потому что на слух, на ощупь безошибочно определял причину поломки или сбоя в работе двигателя, а потом быстро устранял проблему, не в ущерб качеству.

К тому времени у людей завелись кое-какие сбережения, захотелось с умом потратить купюры да и соседям нос утереть: начали покупать простенькие легковушки. Но автовладельцы, в большинстве своём, могли только рулить и заниматься мелким ремонтом. А машины, надо сказать, капризничали частенько. Тут навыки Степаныча и пригодились. Он никому не отказывал, довольствуясь любым гонораром. Это потом, когда женился на буфетчице Клавдии – девице хваткой и расчётливой – ставки стали повышаться, с её, разумеется, подачи. Но однажды молодую жену вдруг осенило:

– А что это мы сами без машины? Деньжат накопили, пора их с пользой употребить. Что мы, хуже других?! Купим машину, потом – дачу...

Клавдия – женщина дородная, но очень подвижная, энергичная – от «Запорожца» отказалась, не по чину ей, видите ли, в эдакой «консервной банке» париться. Задалась целью приобрести «Москвич», подключила все свои связи, и вскоре зелёный автомобиль прикатил во двор. Деловая жена не успокоилась и приложила все усилия, чтобы приобрести гараж. Чтобы всё как у людей! Пусть завидуют немехи и пьяницы.

И превратил Степаныч гараж в автомастерскую. Точнее, всё как-то само собой вышло. Каждую свободную минуту он лелеял свои «75 лошадак», как ласково называл личный москвичок.

А соседи-автолюбители не заставили себя долго ждать. Потянулись бедолаги за помощью. Клавдия поначалу заартачилась, дескать, незачем привечать всяких там-разных. Но увидев, что податливый муж регулярно приносит домой приработок, даже обрадовалась: пусть мужик занимается с пользой, деньги на дачу не помешают. Только строго-настрого наказала:

– Я в гараже буду хранить соленья-компоты, здесь прохладно, так что ты мужиков не особо привечай.

– Ну какой от них вред, придут – выпьют немного, поговорят, посуду оставят...

Пустые бутылки Клавдию заинтересовали, при её буфете располагался приёмный пункт стеклотары, так что, как не крути, опять же польза. Поморщившись, она согласилась, только не удержалась от нравоучений:

– Ладно, пусть выпивают, только особо не расслаживайся. А то я их, чертей, знаю!

Степаныч любил шумные компании окрестных мужиков. Пока он занимался ремонтом, его клиенты, расположившись в уголке за маленьким столиком, вулканировали анекдотами и забавными житейскими историями, лаская слух не очень разговорчивого, меланхоличного и затюканного женой автослесаря. Сам он от выпивки отказывался, мол, дел по горло, но больше опасался нотаций от дребезжащей супруги. Довольно быстро мужики отстали, удовлетворившись аргументами, что, дескать, нельзя под градусом копать в капризном автоорганизме.

Больше всех любил солировать Женёк, тридцатилетний оболтус с пятого этажа по прозвищу Жужа. Состоятельные родители оставили ему в наследство жигули-копейку, но он, похоже, не имел тяги к технике, водил машину неумело, да и не следил за ней как следует. Степаныч сокрушался, что такой нерадивый хозяин попался, но Жужу любил за его весёлый и взбалмошный характер и тысячу занятных историй, многие из которых он, наверняка, сам и придумывал, причём на ходу. Но выходило складно и интригующе, поэтому выпивон затягивался за разговорами. Мужики – а чаще это были пенсионер Гришин, бывший милиционер, и вохровец

Данилов – благодарно поддакивали рассказчику за его красивые повествования и подливали Жуже дополнительную порцию горячительного. Такое внимание Евгения только раззадоривало, он становился в театральную позу, отчаянно жестикулировал, раскрашивая очередную байку различными тембровыми переливами, изображая персонажей во всей красе своей неуёмной фантазии.

Степаныч называл это действие «театром у микрофона». Он зачастую даже не видел исполнителя, находясь в салоне или под днищем автомобиля, оставленного клиентом у входа в гараж, но с удовольствием слушал мастера перевоплощений, занимаясь ремонтом.

Когда Женёк не появлялся, он всё-таки не был тунеядцем и протирал штаны в какой-то конторе, Степаныч грустил, представляя, что вечером Клавдия будет пичкать его нравоучениями и жалобами на своих бездушных начальников. Когда приходили Гришин и Данилов, от них шума почти не было. Битые жизнью мужички старались не затрагивать политических тем, не обсуждали власть, а большей частью предавались воспоминаниям об удачной рыбалке или грибной охоте, изредка судачили о не радующем болельщиков отечественном футболе, о капризах погоды и новых болячках.

Быстренько выпив, они раскланивались, благодарили Степаныча за приют и ласку, оставляли стеклотару под столиком и удалялись по домам. Оставшись в одиночестве, мастер тяжело вздыхал, ощущая нехватку простого человеческого общения. И после ухода очередных соседей, желающих «по быстренькому» остограмиться, пока их жёны не видят, Степаныч не закрывал ворота гаража, давая понять, что его автокафе продолжает работать. К приходу очередных посетителей он протирал столик, ополаскивал стаканы, а если была возможность, то и оставлял на видном месте нехитрую закуску.

На исходе лета, в том числе и бабьего, когда всем соседским машинам была дана профилактика и наиболее рачительные автовладельцы собирались своих железных коней поставить на прикол до весны, потому что зимой город буквально утопал в месиве неубранных снега и грязи – и не то что проехать, пройти без ущерба для здоровья было рискованно, – Степаныч откровенно заскучал. А тут ещё и Женёк куда-то запропастился.

По утрам подмораживало, то и дело порывался испортить настроение холодный кусачий дождик. Клавдия закончила заготовку на зиму: компоты-соления заняли едва ли не всю стенку гаража. Вздыхая, Степаныч мастерил стеллажи, всё тянул время до вечера: домой идти не хотелось, что ему там делать, телевизор смотреть да выслушивать глупости супруги, которая, кажется, совсем с ума сошла со своим сбором денег для дачи. Нарождающаяся перспектива Степаныча не радовала, ведь придётся с утра до ночи пропадать на участке, обустраивать, так сказать, дачное гнёздышко. И тогда – прощай любимый гараж, посиделки в честной мужской компании, любимое занятие.

– Ничего, не переживай, – заметив невесёлое настроение мужа, подбодрила Клавдия, – я думаю, за зиму ты всё подделаешь, там работы не много. Потом посадим картошку, овощи и можешь опять со своими шарамыжниками водку пить.

– Да при чём здесь это! – вяло возмутился Степаныч. – Это же клиенты. Деньги...

– Хорошо, хорошо, – махнула рукой жена, – деньги нам,

действительно не помешают, расходы ведь непомерные. Но ты всё же с ними поостороже, не дай Бог банки мои побьют...

– Да банки твои в другом конце гаража! – попытался огрызнуться Степаныч, но вышло как-то обиженно и заискивающе. Он понял, что с ней лучше не спорить, себе дороже. Но настроение вконец испортилось, потухло. Он лихорадочно попытался найти предлог, чтобы вернуться в свою автомастерскую, так невыносимо было находиться без дела в квартире со сварливой женой. Ничего не придумал, прошёл на кухню, достал из холодильника початую бутылку водки и отхлебнул приличный глоток живительной влаги. Подождал реакцию организма, но безуспешно – водка не улучшила померкнувшее состояние души, наоборот, добавила утрюмости. «Тогда – спать», и Степаныч поплёлся в спальню, на ходу раздеваясь. С твёрдым намерением пораньше отправиться в гараж, где, возможно, всё образуется.

Как в воду глядел. Ни свет ни заря, осторожно ступая, чтобы не разбудить подхрапывающую Клавдию, он вышел в коридор. Не включая свет, нащупал какой-то ватник, сапоги и выскользнул за дверь.

Утренний морозец взбодрил. В темноте Степаныч не заметил, как ухнул ногой в лужицу, скованную хрупким первозданным ледком. Чертыхнулся. Поправил сбившуюся набок шапку и уверенно направился туда, где чувствовал себя поистине счастливым человеком.

Не дав себе даже минутной передышки, он принялся наводить порядок в гараже, расставляя и развешивая инструменты в известном только ему одному порядке. Злобно скользнул взглядом по противоположной стенке, где выстроился огромный ряд разнокалиберных банок. «Чтоб их разорвало морозом», – пронеслось в голове. Хотя какой нынче мороз, да и гараж сработан надёжно в два кирпича. Ладно, пусть стоят, а то потом, чего доброго, и вправду потрескаются, вони не оберёшься.

– Привет, Степаныч! – раздался радостный возглас.

– Женёк! Ты откуда в такую рань? – обернулся Степаныч.

Жужа выглядел импозантно в красной куртке, с длинным шарфом на шее.

– Да я-то с курортов, отец родной, – в своей привычной развязной манере изрёк Жужа, – а тебе-то чего не спится? Или по работе соскучился?

– Да какая сейчас работа, Жень?! Это у жестянщиков скоро дела пойдут, а я своих клиентов на зиму упаковал...

– Не всех, Степаныч, не всех! – торжественно произнёс Женёк, вознося палец к небу. – Я тебе хочу настоящего клиента подогнать, не чета нашим мужичкам, которые за копейку удавятся... На отдыхе познакомился, большой человек в нашем городе. И не жадный, что самое главное. У него «Волга» что-то забарахлила, никто не может толком понять. Вот я его тебе и сосватал. Думаю, финансово не обидит, это я беру на себя. Так когда можешь осмотреть аппарат?

– Пусть привозит, поглядим, – спокойно пожал плечами Степаныч, – но обещать ничего не буду. Может, не по зубам мне его поломки.

– Не прибедайся, старик, ты-то справишься, я уверен. Сейчас рановато, да и мне надо душ принять с дороги, позавтракать. В общем, я ему позвоню, договоримся о времени.

– Да я здесь буду, – спокойно отозвался автослесарь, – прибираюсь вот... Так что милости прошу.

Ближе к обеду медленно, простужено чихая, подкатила чёрная «Волга». Из-за руля вышел высокий мужчина в ду-

блёнке и пыжиковой шапке. Женёк выскочил из-за его спины и громко представил:

– Степаныч, это Иван Сергеевич.

– Так что там у вас? – безучастно спросил Степаныч, попросив открыть капот.

Пока высокий гость объяснял причины неадекватного поведения автомобиля, Женёк зачем-то внимательно осмотрел гараж, прошёлся по периметру, погладил накрытый чехлом зелёный москвичок. Минут через пятнадцать Степаныч о чём-то договорился с клиентом, они распрощались. Иван Сергеевич махнул на прощанье:

– Евгений, я в офис, сейчас за мной машина подъедет. Вечером встретимся, как договорились.

– Хорошо, Иван Сергеевич, – Женёк изогнулся в шутовском поклоне и тут же атаковал Степаныча. – Ну, что там за проблема? На сколько тянет?

– Надо внимательнее посмотреть, но, думаю, дело не хитрое: скорее всего с бензопроводом проблемы. Или с зажиганием. Разберу карбюратор, посмотрю.

– А сколько по времени ремонт займёт?

– Да подожди ты с ремонтом, – вдруг заулыбался Степаныч; появление Евгения ему как бальзам на сердце, – дай разобраться сначала. Не спешите. Иван Сергеевич не о сроках просил, а о том, чтобы проблему устранить. Я же не знаю, как он с машиной обращался, что там во внутренностях заporол. Так что иди, Женёк, отдыхай, может, к вечеру я своё заключение дам.

– Ну ты голова! – малый обнял и потряс мастера. – Очень нужно этому человеку помочь, понимаешь?! И о цене подумай, не стесняйся. А потом мы это дело отметим, – хитро подмигнул и усакал домой.

Степаныч буквально расцвёл, ему хотелось петь и трудиться не покладая рук. Для начала он выставил на улицу свой москвичок и загнал в тёплое помещение начальственную «Волгу». В таких условиях и работа пошла споро, и выработанная стратегия оказалась правильной. Степаныч понял сразу, что «Волгу» особо не баловали вниманием, не занимались серьёзно профилактикой. Надо было менять шланги, в первую очередь бензонасоса, свечи, бумажные фильтры. Увлёкшись, Степаныч погрузился в карбюратор, протестировал систему зажигания. Составил список необходимых для замены запчастей, который и вручил прибывшему вскоре Евгению.

– С утра привезёте, вечером получите авто в лучшем виде, – подытожил автослесарь.

– Да ты просто маг и волшебник, – начал рассыпаться в комплиментах Женёк, но Степаныч его осёк:

– Не говори гоп... Сделаем, тогда и благодари.

– А сумма какая за работу? – глазки парня алчно загорелись, видно, он рассчитывал и на свой процент от сделки.

– Да сколько не жалко, – ухмыльнулся Степаныч. – Ну а так... пару сотен, думаю, достаточно.

– Да ну, это же ни о чём! Ладно, этот вопрос я беру на себя. До завтра.

«Смешной он всё-таки парень, – подумал Степаныч, – но с другой стороны цепкий, хваткий, сегодня как раз такие и нужны. Не то что наше поколение, воспитанное на соцреализме. И чего мы добились? Как жили, пресмыкаясь, так и живём. Радует мелким подачкам, полжизни проводим в очередях. И никому не нужны ни твои знания, ни талант... Пока кому-то из начальников не приспичит... Что ж, посмотрим, как этот Иван Сергеевич отблагодарит. Нет, мне

не деньги важны. Сам-то он, наверняка, по благу «Волгу» получил, не на кровно заработанные, потому и обращается с ней как с падчерицей. Чуть не загубил такую машину. Да она сто лет может бегать, если ей постоянный уход дать и заботу...».

Дома Клавдия тут же спросила:

– А кто это к тебе на «Волге» подъезжал? Соседка случайно увидела, обзавидовалась.

– Женёк клиента подогнал. Начальник какой-то.

– Что ж ты не разузнал подробней. Может, поможет нам побыстрей дачу купить.

– Что ж ты за женщина такая! – Степаныч покачал головой. – Всё деньгами да связями меряешь.

– А как же! В этой проклятой жизни не зевай, иначе сомнут, обойдут на повороте, – распалялась Клавдия, и Степаныч пожалел, что наступил на её любимый мозоль. – Думаешь, копеечка легко достаётся. Вот и ты со своими золотыми руками мог бы поухватистей себя вести с клиентами. И не скромничать. С них не убудет. Раз машины завели, значит и на ремонт должны раскошеляться. Глядишь, мы бы дачку пораньше купили...

Степаныч с досады махнул рукой:

– Ну ладно. Завелась... Кормить-то будешь? Мне надо пораньше лечь спать, завтра трудный день, обещал машину к вечеру поправить.

Утром Жужа на своей «копейке» привёз необходимые запчасти, вызвался подсобить, но Степаныч нахмурил брови: «Не мешай!», и Женёк ретировался.

Словно соскучившись по настоящей работе, Степаныч энергично взялся за дело. Довольно скоро ему стало жарко, скинул ватник, расстегнул воротник рубахи. На лице появились капельки влаги. Он не сразу догадался, что это первый снег проникает в гараж через распахнутые ворота: мягкими редкими хлопьями снежинки медленно десантировались с крыши вселенной, но с каждой минутой их становилось всё больше и больше; и вот уже вокруг забелело, запахло зимой.

Дышать стало легче, вольготней. Степаныч замурлыкал какой-то мотивчик из некогда популярной песни, ему давненько не было так хорошо. Время от времени он выглядывал на улицу, подставлял под снегопад разгорячённое лицо, улыбался, радуясь приливу новых сил, и возвращался на «сладостные галеры».

Жужа появился около пяти вечера и не сразу поверил, что «Волга» на ходу. Степаныч самодовольно пыхтел, отмывая руки в керосине, и кивал головой:

– Принимай работу, студент!

Женёк сел за руль, машина почти бесшумно завелась и мягко тронулась с места. Парень не удержался и заорал от восторга:

– Да ты просто гений, Степаныч! Покачу-ка я сам этот кабриолет хозяину. А ты жди меня, думаю, с хорошим гонораром.

Укатил. Автослесарь ощутил лёгкую, но приятную усталость. Стал неторопливо собирать инструмент, упаковывать бумажный мешок мусором. А спустя каких-то полчаса услышал звук клаксона «копейки» и увидел чуть ли не на ходу выпрыгивающего из салона Жужу. Тот бежал с распростёртыми объятиями и с ходу бросился обниматься.

– Степаныч, гуляем! Вот твои тысяча, кровно заработанная. Клиент безумно счастлив. Его сослуживцы уже в очередь к тебе выстраиваются, так им понравилась твоя работа...

Тут только Степаныч заметил как из «копейки» выпорхнула девушка и стала медленно приближаться. Перехватив его взгляд, Женёк махнул рукой:

– Да это Светка, бывшая моя сокурсница. Думаю, не мешает нам отметить удачную сделку.

Степаныч растерялся, его переполняли странные чувства. Похвала всегда ценилась им дороже денег. И предстоящий банкет по поводу удачного ремонта тешил его самолюбие.

– Свет, познакомься, это Степаныч – мастер золотые руки. Он из ничего может ракету смастерить.

Девушка подошла, протянула ладошку-лодочку. «Фигурка ладная, всё честь по чести, – отметил про себя Степаныч, – а вот с личиком Господь слегка обидел: крупный мясистый нос, глубоко запавшие глаза, глупая улыбка...».

– Да, Жужа мне все уши прожужжал про вас. Что ж, поздравляю!

– Ладно, соловья баснями не кормят. Иди, Светка, носи харчи и всё, что там есть, – сам Женёк уже извлекал из большого пакета бутылки с яркими этикетками в предвкушении приятного застолья. – Степаныч, давай гараж закроем, чтобы наши мужички на свет не подтянулись. А то весь кайф сломают.

Очень быстро они накрыли на стол, наполнили стаканы возбуждающей жидкостью. И сияющий Женёк произнёс тост:

– Я думаю, что сегодня у нас родился новый кооператив, в котором, естественно, главной фигурой будет Степаныч, а уж я, если позволите, займусь поиском и поставкой платёжеспособных клиентов. Успех гарантирую! Так выпьем же за золотые руки Степаныча и... мою светлую голову!

Все засмеялись. Выпили. Давненько Степаныч не ощущал такую умиротворённость и благодать на душе. И компания ему нравилась. Захмелевшая Светка уже не выглядела уродиной; быстро забыв о правилах приличия, стала строить глазки обоим кавалерам, возомнив себя королевой бала. Похоже, она любила выпить и поболтать, не особо заботясь о своей репутации. После третьего тоста Женёк стал подмигивать Степанычу, а сам бесцеремонно полез обниматься со своей спутницей, облапывая её интимные места. Светка только вначале попыталась вяло сопротивляться, а потом поддалась соблазну. Разгорячённая парочка, уже не стесняясь хозяина гаража, удалилась в противоположный угол и вскоре, судя по энергичному сопению и нервным вздохам, предалась любовным утехам.

Степаныч приглушил свет, чтобы не смущать молодёжь и самому оставаться в тени. Налил себе немного коньяка – Женёк всё-таки знал толк в напитках – и медленно с удовольствием выпил. Из головы не выходила фраза нового компаньона о кооперативе. А что?! С ним дела пойдут. И можно не только быстро собрать недостающую сумму на дачу, но и отвязаться от Клавдии: пусть копается себе на грядках, а я и для себя немного поживу, порадуюсь жизни...

Женёк вынырнул из темноты, напоминая разгорячённую вздохмаченную лошадь. Нервно оглядываясь, зашептал, захлёбываясь:

– Слушай, давай к ней, она не против. Когда ты последний раз изменял своей мегере? А Светка классная, безотказная...

– Да ты что? – выпучил глаза Степаныч. – Она же с тобой пришла...

– Старомодный ты какой-то, старик, – Женёк шарил по

карманам своей куртки, пытаясь отыскать сигареты. – Давай, сегодня твой праздник. Отметим новую жизнь коллективным сексоповалом!

– Не, я так не могу, – вяло сопротивлялся Степаныч, явно застигнутый врасплох неожиданным предложением, – как-то не готов я...

– Ладно, поступим по-другому. Я её завтра подошлю, ты только не волнуйся, Светка всё сама сделает в лучшем виде, я с ней уже договорился.

– Как это? – Степаныча прошиб холодный пот; за свою без малого пятидесятилетнюю жизнь он даже не помышлял о таких отношениях, считая, что после женитьбы грех думать о чужих женщинах. А тут...

Светлана подошла как ни в чём не бывало, чуть пошатываясь.

– О чём это вы, мальчики, тут шушукаетесь? – игриво проворковала девица. – Лучше налейте даме вина.

– Это мы вмиг, – отозвался из темноты Женёк, прикуривая сигарету.

– Ты бы здесь не курил, опасно всё же, – меланхолично заметил Степаныч. – Да и поздно уже.

– Свет, – Женёк приблизился к столу нетвёрдой походкой, – ну что, завтра поможешь Степанычу?

– Нет проблем, – она, не дожидаясь инициативы от кавалеров, сама налила себе полстакана вина. – А в котором часу, Степаныч?

Его словно кипятком ошпарило. Благо в полутьме никто не увидел, как запылали его багровые щёки. Вот это молодёжь, ни стыда ни совести. В наше время такого не было.

– Ладно, закругляемся, – подал начальственный голос Женёк. – На посошок и – по домам. А завтра начинаем работать по вновь утверждённому мной плану. Будем деньги зарабатывать. И жить на всю катушку.

Всю ночь Степаныч ворочался, осмысливая разговор в гараже. Успокаивал себя: да это ребята дурачились, подзадоривали меня, старика. Ну да ладно, повеселились, отдохнули от души. А чего плохого, если Женёк и впрямь клиентурой займётся, будет что и от Клавдии заначить. Лет-то мне уже ого-го сколько, а что в жизни видел? Ничего! Нет-нет, нельзя так дальше, годы уходят, а словно на каторге...

За завтраком Клавдия подозрительно оглядывала задумчивого мужа: чего это с ним? Ну выпили с мужиками за хороший заказ, зато вон сколько деньжищ притащил в дом. И вроде не страдает с похмелья, а думает о чём-то. Странно.

Понедельник – день тяжёлый, правильно в народе говорят. Но, как ни крути, разгонять рабочую неделю надо. И Клавдия заторопилась в свой общепит. А Степаныч, помыкавшись по квартире и не найдя себе занятия, отправился в гараж. Надо заметить, что после того как бесславно рухнула советская власть и миллионы граждан некогда могучей страны оказались не у дел, начальники, когда-то привлекавшие людей к ответственности за туеядство, теперь не могли им предложить даже самой ничтожной работы. Появились биржи труда, пособия по безработице. Степаныча эти проблемы не волновали, он полагался только на себя, потому и трудился сообразно собственному графику, ориентируясь на спрос населения.

Сегодня клиентов не намечалось, но всё равно он засобиравшись в гараж, там ему дышалось более вольготно и независимо. Время клонилось к обеду, когда он услышал шорох у ворот, обернулся и увидел Светлану. Она бесцеремонно переступила порог и широко улыбулась:

– А вот и я, как обещала.

Степаныч не сообразил, как следует отреагировать на этот визит, а гостья уже приблизилась к столу, ощупывая взглядом пустые бутылки.

– А выпить ничего не осталось... – жалобно протянула девица и умоляюще посмотрела на Степаныча. Он понял, что ей надо опохмелиться, полез в шкафчик, достал припрятанный коньяк. Глазки Светы заблестели: – А ты со мной будешь?

Не обращая внимания на отрицательный жест автослесаря, она с ходу опрокинула в себя грамм сто алкогольного лекарства и по-хозяйски осмотрела гараж.

– Расслабься, Степаныч, ты, я вижу, мужик правильный, но старомодный, так сегодня нельзя. Года убегают, а ты всё в старовежах ходишь... – она приблизилась вплотную, обдала ароматом духов вперемешку с перегаром: – А ты мне нравишься, есть в тебе этот самый стержень, не то что у нынешних пацанов. Так где мы займёмся делом?

Всё произошло настолько стремительно, что Степаныч долго не мог прийти в себя. Уже уходя, Светлана чмокнула его в щёчку и прошептала:

– Если ты не против, я завтра приду.

Дома от жены не ускользнула перемена в характере супруга. Он стал отводить взгляд, нервно передёргивать плечами, отвечал невпопад. Клавдия заметила, что в очередной раз отправляясь в гараж, он вырядился в костюм, побрился. Ушлая женщина заподозрила неладное, но никак не могла взять в толк, с чем связаны такие метаморфозы. Женская логика подсказывала единственно верное решение – нагрянуть неожиданно с обыском. Там всё и проявится.

А Степаныч потерял голову. Не привыкший к женской ласке, он с головой бросился в водопад страстей, предложенных Светланой. Они встречались чуть ли не каждый день. И хотя удовлетворяли свои сексуальные потребности скоротечно, без раскочки, от бдительных соседок не укрылось странное обстоятельство: до недавних пор ворота гаража никогда не закрывались, привлекая клиентов, а теперь мастер изменил своей привычке и, входя внутрь, тут же запирает дверь на замок.

В очередной понедельник, когда Степаныч скрасил своё одиночество в обществе необременительной Светланы и уже собирался с ней расстаться, в дверь гаража постучали. Сначала спокойно, потом дробно и часто. Голос Клавдии вывел Степаныча из равновесия:

– Ты чего это примолк?! Отворяй сейчас же! Что, заснул что ли...

– Это кто? – зашептала на ухо Светлана.

– Жена, – Степаныч стоял как парализованный.

– Ничего, выкрутимся, – девица выглядела спокойной и уверенной в себе. – Где мне укрыться? – Степаныч кивком показал на шкаф с инструментами, за которым была ниша, где можно было спрятаться. – Скажешь, что заработался, сразу не услышал. Уйдёшь вместе с ней, а потом вернёшься и выпустишь меня, понял. Давай!

Едва Светлана успела юркнуть в узкую щель, как дверь буквально заходила ходуном.

– Открой, сволочь! – раздался злобный окрик.

Степаныч на непослушных ногах приблизился к двери, отодвинул засов. Клавдия ураганом ворвалась в гараж, облетела его дважды и, ничего подозрительно не обнаружив, немного успокоилась.

– Ты чего это заперся? – жена буравила мужа колючими злыми глазками.

– Да холодно стало, – пожал плечами Степаныч. – Да и не слышал я за работой.

– А чего это ты вырядился? – не зная к чему прицепиться, пыхла Клавдия.

– Так я ж не под машиной. А чего костюм висит без дела уже лет десять как...

– Ладно, пошли домой, – Клавдия ещё раз оглядела гараж, всё ещё пытаясь найти хоть какую-то улику. – И захвати банку огурцов, я хочу рассольник приготовить.

Степаныч повиновался. Они вышли. Он запер дверь и поплёлся к дому. Клавдия по дороге продолжала ворчать, не удовлетворённая неудачной облавой.

Темнело стремительно. Степаныч украдкой выглядывал в окно, лихорадочно соображая как найти предлог, чтобы выйти на улицу и освободить невольную пленницу. Ничего не шло на ум. А Клавдия как нарочно держала его при себе: то попросит банку открыть, то стол подвинуть к стенке, то настроить телевизор. Потом заставила поужинать, хотя муж ссылался на отсутствие аппетита. Обратила внимание, что у него на лбу выступила испарина и лицо покраснело. Стала измерять температуру. Всплеснула руками: «Да ты заболел, сейчас же в кровать!».

Степанычу и впрямь стало не по себе. От волнения поднялось давление. А закончилось всё вызовом «скорой помощи». И врач неожиданно постановил: нужна срочная госпитализация. Его увезли в больницу, а там, пока сбивали давление, обнаружили приступы аппендицита.

Едва отойдя от послеоперационного наркоза, Степаныч слёзно упросил медсестру позвонить своему деловому партнёру Евгению, потому что из-за непредвиденных обстоятельств может сорваться крупный заказ, а это штрафы, неустойки...

Женёк примчался в больницу, сразу учуяв: случилось что-то экстраординарное. Сбивчиво рассказав о неудавшемся свидании и запертой в холодном гараже Светлане, Степаныч передал компаньону ключ, который предусмотрительно захватил с собой. Напутствовал:

– Поспеши, она там уже два дня, как бы чего не случилось.

– Не волнуйся, всё будет в порядке, – подбодрил, ухмыляясь, Женёк, – с голоду она не умрёт, там закуси на целую свадьбу хватит. Да и догадается, наверное, в машину залезть погреться.

Последующий день показался вечностью. Страшные новости принесла вечером жена. Клавдия притащила целую сумку фруктов и ягод, демонстрируя окружающим свою чрезмерную заботу о заболевшем супруге. Пересказав все сплетни, она спохватилась:

– Да, знаешь, твой приятель Женька вчера под машину попал. Куда-то бежал, сломя голову, поскользнулся – лёд же кругом, а он, пижон, как всегда в туфельках – и вынесло его на проезжую часть...

У Степаныча помутилось в голове. Он только и выдохнул:

– Живой?

– Да что ему станется, ногу, говорят, поломал. Его к вам, кажется, привезли, в травматологическое отделение.

Дальше Степаныч ничего не слышал. В висках били молоточки: «Господи, что за напасть?! Она же там околеет!». В палате появились врачи, выпроводили супругу. Медсестра уже заряжала шприц. Степаныч стремительно проваливался в бездну.

Очнувшись, он первым делом спросил: какое сегодня число? Попал в больницу десятого, сегодня тринадцатое, пятница. Что же делать? Как быть? Надо навестить Женьку. Хотя сейчас от него мало толку, успеется. Но кого же попросить дойти до гаража? И друзей-то надёжных, кому можно довериться, нет. Хотя, погоди, можно переговорить с бывшим милиционером Гришиным, он-то за свою жизнь во многих передрыгах побывал, наверняка подскажет выход. А в случае чего можно всё свалить на Женьку, мол, это он со своей девичей попросился на случку в гараж. Сам Женёк не будет против, нам ещё с ним вместе работать. Опять же он холостой, по рукам-ногам не связанный. Надо попросить медсестру сходить в травматологическое отделение, позвать компаньона, если он может на костылях хромать, мне же пока запрещают вставать...

– Девушка, извините, не знаю как вас зовут..., – зашептал Степаныч, как только к нему приблизилась процедурная сестра.

– Надежда.

– Наденька, вопрос жизни и смерти, – едва не заплакал Степаныч, минорно задрожав губами, чем подкупил чувствительную медсестру. – У меня товарищ этажом ниже, Евгений Чудинов, он ногу сломал, машина сбила. Узнайте, пожалуйста, сможет ли он ко мне подняться. Очень нужно.

– Хорошо, попробую, – успокоительно улыбнулась Надежда и отправилась на поиски второго пострадавшего.

Женёк прискакал на костылях, поддерживаемый всё той же Надеждой. С порога засокрушался.

– Вот же неvezуха! Не повезёт, так и в бане замёрзнешь...

– У тебя ключи с собой? – перебил его Степаныч.

– Да, а что...

– Слушай, Женя, версия такая. Это твоя девушка осталась в гараже, ты пошёл в магазин за подогревом, её запер, но назад не вернулся, а попал под машину. Понимаешь?

– Секу, старик, тебе светиться нельзя. Но как же мы её оттуда вызволим?

– Ты милиционера Гришина знаешь?

– Того, что у тебя ошивается? Знаю, конечно, а что?

– Найди номер его телефона, объясни нашу версию и попроси его открыть гараж. Мы за это с ним рассчитаемся.

Женёк засмеялся.

– А ты голова! Правильно мозгуешь. И твоя мырма ничего не заподозрит... Ладно, пойду Гришина разыскивать, – и он поднял вверх кулак: – Но пасаран! Они не пройдут!

У Степаныча отлегло от сердца. Он уже начал фантазировать, как будет извиняться перед Светланой, как напоит мужиков, прикрывавших его в этой детективной истории.

На следующий день обрадовала Надежда, что Степаныча готовят к выписке. Он уже начал вставать с кровати и после очередного обхода намеревался было спуститься на этаж к Женьку, как в этот самый момент дверь в палату с шумом распахнулась и в проёме появилась с траурным лицом Клавдия. Медленно, дробными шагами она подошла к мужу и зарыдала, уткнувшись ему в плечо.

– Что случилось, Клава?

– Всё погибло! Нас обокрали. Всё изуродовали, – запричитала Клавдия.

– Успокойся, объясни толком, – Степаныч впервые за долгие годы приобнял жену, погладил по волосам; она ещё теснее прижалась к нему – беззащитное слабое создание. Надо же, как меняется человек, стоит только горю войти в его жизнь.

– Я с работы иду, а соседи говорят: у вас гараж открыт, там внутри всё поперобито, покорёжено. Я как глянула, так чуть дара речи не лишилась. Все мои банки вдребезги, машина покалечена. Господи, за что же такое наказание...

– Всё, всё, – Степаныч понял, чьих рук это дело и поставился сменить тему, – я сам во всём разберусь, не нервничай. Меня уже выписывают, дома разберёмся. Только вот спущусь на этаж попрощаться.

Под Новый год, когда Степаныч привёл в божеский вид свой разгромленный гараж и почти отреставрировал зелёный москвичок, к нему на огонёк заглянула целая компания старых приятелей. Не сговариваясь, они одновременно заржали, как только увидели пустую стену, где когда-то располагались стеллажи с клавдиными соленьями-вареньями. Женёк всё ещё прихрамывал, опираясь на элегантную трость. А пенсионер Гришин рывком обнажил голову, демонстрируя рубец, полученный на поле боя.

Когда мужики вдоволь насмеялись и опрокинули по рюмке-другой, слово взял тучный Гришин.

– Ты представляешь, Степаныч, сколько раз ходил на задержание, даже под пулями был, а такой анекдот впервые случился.

– Так ты всё же Расскажи, как на самом деле было, а то версии разные ходят, – подначивал Женёк.

– А чего рассказывать, Жужу, ты же сам меня на это дело наострил, мол, надо девчонку выручать, оказалась запертой в гараже у Степаныча. Я ж всё понимаю, дело молодое, а тут с тобой такой конфуз случился – в больницу попал. Пошёл я, значит, вечером, чтобы свидетелей поменьше было. Прислушался у ворот, тихо. Я слегка позвал: «Эй, есть кто живой?». Тишина. Стал открывать. Только голову просунул, хотел фонарик включить, как искры из глаз в разные стороны брызнули. Чувствую, кто-то меня бутылкой по голове шандарахнул. Только и заметил, что девица какая-то, лязгая зубами, через меня, падающего, перепрыгнула – и ходу! Я – в отключку. Сколько пролежал, не знаю, благо – холод отрезвил. Поднялся, мама родная, кругом словно Мамай прошёл. Осколки, осколки... А потом твоя Клавдия шум подняла. Я своих бывших коллег с трудом уговорил дело не возбуждать, дескать, это всё семейное. Тебя, Степаныч, мы, конечно, выгородили, на Жужу всё свалили... Кстати, Женёк, а где же теперь твоя зазноба, не заглядывает больше на это дело?

Мужики опять загоготали, довольные, что вся эта история так благополучно закончилась, без летальных жертв. Только Степаныч сидел грустный. Его что-то гложило. Женёк хлопнул по плечу:

– Не горюй, старик, найдём тебе другую кралю. Подумаешь, делов-то на копейку. Давайте-ка лучше за наше здоровье выпьем, за всех кто пострадал. За мужскую солидарность!

Опять гараж сотрясло от громкого перекатистого смеха. Жизнь, похоже, налаживалась. Женёк опять начал травить байки, вызывая всеобщий восторг. Степаныч незаметно пробрался к открытым воротам, вдохнул полной грудью бодрящий студёный воздух. Звёзды уже начали кучковаться, теснясь, на синем небосклоне, заигрывающее мигая.

«К морозу, – подумал Степаныч. – И всё же надо бы обогреть купить, мало ли что...».

БРОНЗОВЫЙ БЮСТ ВМЕСТО ЗВЕЗДЫ ГЕРОЯ

Один из чиновников городской администрации на закате 20-го века как-то рассказал мне про ветерана войны, с которым долгие годы трудился на заводе УВМ, но ничего не знал о его боевом прошлом. Ветеран никогда не носил наград и уходил от разговоров на военную тему. Только когда в конце шестидесятых молодёжь города организовала на машинах агитпробег по местам боевой славы, узнали комсомольцы, что рядом с ними живёт настоящий герой. Его бронзовый бюст встречал гостей в Ровенском краеведческом музее. Наша встреча с неординарным человеком состоялась в 2000 году...

– Почему награды не ношу? – Георгий Артёмович Борисян спокойно воспринял вопрос и по обыденному просто, но с достоинством ответил: – Не нравится мне, когда люди чуть ли не с ног до головы обвешиваются юбилейными медалями, значками какими-то. За ними и боевых-то наград не разглядеть...

– Но у вас-то награды боевые?

Вместо ответа Георгий Артёмович извлекает из папки орденскую книжку. Читаю: «Орден Красного Знамени № 83460... орден Красного Знамени

№ 83587...». Между первым и вторым награждением – всего полгода. А ведь это второй по значению орден, не считая полководческих наград! Им оценивались подвиги выдающиеся...

– Я незадолго до войны окончил училище, лейтенантом встретил 22 июня на западной границе, – Георгий Артёмович угощает в своём доме отменным кофе, неспешно ведёт экскурсию в своё прошлое. – Мы вроде бы и готовились к нападению немцев, но действительность превзошла все ожидания. В первый же день их самолёты

разбили нас в пух и прах. Началось отступление... В августе сорок первого, когда нашу дивизию отвели на переформирование, меня вызвали к командованию: решили тебя оставить в тылу врага, будешь организовывать партизанское сопротивление. Так я оказался в Сумской области...

Их партизанский отряд имени Ленина базировался в деревне Малуши-

но, недалеко от райцентра Шалыгино, когда в ночь на 3 декабря 1942 года начальник штаба Георгий Борисян и комиссар отряда Ксения Наливайко решили проверить посты.

Из темноты навстречу им двигался обоз. С передней подводы назвали правильный пароль. И тут же из саней выскочили немцы. Это потом выяснилось, что струсивший партизан предал товарищей и привёл врага прямо к штабной избе.

Комиссара и начштаба скрутили и отвезли в райцентр. Два дня пытали, то и дело опуская в ледяную воду. Били так, что, казалось, не осталось целых костей. Но так ничего и не добились. На 5 декабря назначили показательную казнь. На площади соорудили виселицы, стали сгонять народ.

А в это время подоспевшая группа харьковских партизан во главе с В. Яремчуком пробралась к сахарному заводу и устроила там засаду. Завязался бой. И только к утру всё стихло.

Казнь всё же состоялась. Только повесили не партизан, а бургомистра, коменданта, следователя... Комиссара и начштаба бережно уложили в сани и отвезли на партизанский аэродром. Оттуда – в Москву.

– Моё первое знакомство с Орлом состоялось 12 мая 1943 года, – улыбается Г. А. Борисян. – После лечения в Москве мне сообщили, что создан новый отряд, которым командовать будет В.М. Яремчук, мой спаситель. Меня назначили начальником штаба. Готовилась Орловско-Курская битва, и нам была поставлена задача организовать «рельсовую войну» у немцев в тылу. Так вот, на двух самолётах 12 мая мы вылетели из Москвы. А над Орлом попали под плотный зенитный огонь. Не смогли прорваться, повернули обратно. В воздухе был смертельно ранен первый пилот Ткаченко, и мы сели с трудом. 20 мая полетели по тому же маршруту, на этот раз проскочили.

И вот не думал, не гадал, что в 1955 году в Москве познакомлюсь с орловской девушкой Вале́й, а вскоре переберусь в её город...

Их новый партизанский отряд имени Кармелюка специализировался на железнодорожных диверсиях. Однажды прилетел главный подрывник Красной Армии полковник Илья Григорьевич Старинов. Ещё 18-летним парнем под Орлом принял боевое крещение в боях с деникинцами Илья. Уже в гражданскую он стал сапёром. Позже создал лабораторию, придумывал новые мины, которые затем испытывал в Испании. К слову, при отступлении в 1941 году под руководством Старинова было заминировано несколько важных зданий в Харькове. И 11 ноября по радиосигналу из Воронежа он взорвал особняк, который занимал начальник немецкого гарнизона генерал-майор Георг Браун. Смерть важной персоны тогда не на шутку всполошила фашистов.

Старинов привёз с собой в отряд мины замедленного действия. Провёл обучение. А потом напросился на диверсионную операцию, после которой заявил: «Лучше я буду мины вам изобретать, чем ходить на задания!».

Работа у подрывников и впрямь была тяжёлая. Немцы вырубали лес метров на сто от железной дороги. Делали завалы, чтобы по треску сучьев определить приближающегося партизана. Через короткие промежутки устраивались заставы с собаками. Освещали местность прожекторами. То и дело пускали порожняки. Белили шпалы. В общем, немало хитростей придумывали, чтобы обезопасить себя.

г Ровно
июль 1942 г

А партизаны брали выносливостью, выдержкой, терпением. Иногда на операцию уходило несколько дней. Без пищи, без сна, без движения находились в засаде. Были и неудачные попытки, были и потери в стычках с охраной мостов.

И всё же маленький отряд из 70 бойцов только за период с 30 мая 1943 года по 15 августа 1944 года «пустил под откос 62 эшелона противника, провёл 25 боевых операций против немцев и украинских националистов».

Писатель-фронтовик В. Карпов в одном из своих произведений написал: «Лётчика награждали звездой Героя за 20 – 25 сбитых самолётов, а разведчика – за 15 – 20 «языков»...». Были свои критерии и у партизан: за 8 пущенных под откос эшелонов давали Героя. Группа Георгия Борисяна превратила в металлолом 13 железнодорожных составов, два эшелона начштаба минировал лично. Где же заслуженная награда?

– Потерялась, – грустно шутит ветеран. – Представление на звание Героя Советского Союза отправили в Москву, но оно где-то застряло. Уже после войны я встречался и с Фёдоровым, и с Ковпаком (руководителями партизанского движения), которые были в курсе наших заслуг, но... В пятьдесят пятом я специально в Москву ездил, пытался найти концы. Не нашёл. Зато встретил свою будущую жену.

Он мягко улыбается, философски оценивая ситуацию, вновь предлагает кофе. А я рассматриваю любительскую фотографию, на которой запечатлён бронзовый бюст Георгия Борисяна, установленный в 1968 году в Ровно. Бюст – это то же самое, что звезда Героя. Жаль только, что сейчас, после развала Союза, вряд ли можно отыскать на «самостоятельной» Украине скульптурное изображение человека, который выполнил до конца свой воинский долг, внёс ощутимый вклад в общую победу над врагом.

О нём и сегодня добрым словом вспоминают бывшие сослуживцы на заводах «Дормаш», приборов, УВМ, где Георгий Артёмович проявил себя как талантливый руководитель. А уйдя на пенсию, возглавил гаражный кооператив, где также преуспел.

– Жалеете о чём-нибудь? – спрашиваю напоследок.

– У каждого своя судьба, – отвечает Георгий Артёмович, – и отмеренный нам путь надо пройти достойно. Мне за свою жизнь, за свои поступки не стыдно.

Максим МАЙСКИЙ

Николай ПРОКУДИН,
член Союза российских писателей (Санкт-Петербург)

ОХОТНИКИ ЗА ПИРАТАМИ

Отрывки из приключенческого романа

Прокудин Николай Николаевич (род. 7 августа 1961, г. Ленинск-Кузнецкий, Кемеровская область) – прозаик, детский писатель, член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей. Автор 15 книг.

Окончил среднюю школу в Днепродзержинске в 1978 году. Годом позже призван на срочную службу в армию в качестве оператора-радиоминёра, затем поступил в Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище, где проходил обучение с 1980 по 1984 гг. После окончания училища проходил службу в Туркестанском военном округе.

Участвовал в боевых действиях в Афганистане в 1985–1987 годах, награждён двумя орденами Красной Звезды, медалями. Майор запаса. Принимал участие по охране и сопровождению судов от пиратов в Индийском океане в 2011–2016 годах.

Член Союза российских писателей и Союза писателей Санкт-Петербурга (2004). Председатель секции прозы (2008–2012), председатель секции военно-патриотической, приключенческой и детективной литературы с 2012 года и комиссии по военной литературе Союза российских писателей. Заместитель председателя Союза писателей Санкт-Петербурга, литературный секретарь Международной Федерации русских писателей.

Лауреат литературной премии имени Н.В. Гоголя (2004, в номинации «Тарас Бульба» за трилогию «Постарайся вернуться живым...»), лауреат регионального конкурса «Спасибо тебе, солдат» (2006), проводимого под эгидой общероссийской общественной организации «Боевое братство», лауреат первого Международного литературного фестиваля имени Козьмы Пруtkова (2013), дипломант премии А.К. Толстого.

(Продолжение. Начало в № 01)

Этот лёгкий допрос, как бы невзначай, меня начинал слегка утомлять. Проверяет, не вру ли про войну? Зачем? Что ж, проверим и его.

— А ты сам-то в каком полку служил?

— В шиндантской дивизии, в районе Герата. Обучал и руководил отрядом снайперов... Я мастер спорта по пулевой стрельбе. В Афган сразу после ВИФКа (Военный институт физической культуры.) загремел.

— А-а-а... — понимающе протянул я. — Мало чего хорошего было в вашем Герате: засады, стычки и обстрелы.

— Костя, а у тебя ордена и медали за что? Ранения?

— Да нет... Представляешь, даже не зацепило ни разу! Награды — за бои: за результаты, за трофеи.

— Молодец! А чем занят сейчас?

— Ничем примечательным и интересным — охрана. Сажу в офисе на посту, в носу ковыряю да немного пописываю: кропаю повести и рассказы. Пытаюсь...

— Не скромничай! Никита давал читать твои книги. Здорово написано!

Яркин на минуту замолчал, вновь пристально, оценивающе посмотрел мне в глаза, помялся, видно было, он хотел сказать что-то важное, но раздумывал, стоит ли продолжать разговор и посвящать малознакомого собутыльника-собеседника в свои планы. Но в итоге все же решился.

— Понимаешь, Костя, я тут одно предприятие затеял, и мне нужны люди с опытом... Такие, как ты...

— Какие такие?

— Знающие военную жизнь. И умеющие обращаться с оружием. Бойцы! Боевики!

— Если бандитские разборки, то я — пас! Как говорил незабвенный Остап Бендер, я чту Уголовный кодекс.

Яркин весело хмыкнул и пригладил широкой крестьян-

ской ладонью непокорно торчащий ежик коротких упругих волос.

— Это вовсе не то, о чем ты подумал! В Сомали поедешь?

Неожиданно! Прежде я никогда не бывал в Африке, и, в принципе, не особо туда и тянуло, разве что зрела мысль на недельку съездить в Серенгети — понаблюдать за жизнью

львиного прайда, поглазеть из кабины лендровера на носорогов, жирафов и слонов. Мой племянник несколько лет работал инженером одного из центральных немецких телеканалов в Кении и, болтая по скайпу, приглашал пожить, попутешествовать, но все как-то не срасталось. Кения — это другое дело! А зачем-то поехать в Сомали... А что мне известно про Сомали? Ничего хорошего! Помнились эпизоды теленовостей и из газет о войне сомалийцев с эфиопами в семидесятые — восьмидесятые годы прошлого века, да еще

я видел фильм-боевик о гибели группы из американского отряда «Дельта» в Могадишо и отрывочно слышал о бесконечной гражданской войне. Напряг память, что мне известно про Сомали. Почти ничего.

— Да я про твоё Сомали с училища толком ничего не слышал!

Тогда Яркин, видя мое недоумение, ухмыльнулся, достал из кармана сложенные четверо листки — сразу видно, человек тщательно занимается вопросом, готовится. Я углубился в чтение...

«Как единое суверенное государство существовало по историческим меркам непродолжительный период — 60-е — 90-е годы. После свержения режима Сиада Барре в январе 1991 года захватившие власть оппозиционные военно-политические группировки, созданные в свое время по этническому принципу, так и не смогли договориться о формировании общенационального правительства.

Между ними и внутри их обострилась борьба за власть,

приведшая к затяжной гражданской войне, разрухе и дезинтеграции страны. В мае 1991 года от Сомали отделились северо-западные провинции, названные независимым государством Сомалиленд, а в августе 1998 года было объявлено о создании автономии Пунтленд в северо-восточных провинциях Сомали. Местные автономные или полуавтономные правительства и администрации образовывались также в центральных и южных провинциях страны.

По данным ООН, на территории Сомали проживает примерно 10 миллионов человек, из которых 1,4 миллиона человек — вынужденно перемещенные лица внутри страны. Число беженцев, проживающих в соседних странах и государствах Западной Европы и США, достигает 700 тысяч человек и продолжает расти с каждым годом.

Основные этнические группы сомалийцев — хавие, дарод, дир, исак и раханвейн...

— Алекс! Ну, у тебя и шуточки! Поехать в мятежную страну!? Искать смерть свою? Какого хрена мы забыли в Африке! — насторожился я.

Яркин неспешно раскурил очередную сигариллу, а я, ожидая ответа, жадно отхлебнул полстакана вина — смочил внезапно пересохшее горло.

— Страшно?

— Глупые авантюры не интересуют. Я нищих бедуинов не видел? Опять кто-то банды наемников вербует? Но, насколько я слышал, эта тема сейчас уже неактуальна и не денежная — прошли времена солдат удачи типа Боба Динара, ушли на покой лихие, суровые ветераны батальона «Буффало»...

— Зачем наемником! Все более-менее легально и законно.

— Более-менее?

— Типа того... Никакого криминала. Хочу предложить тебе от пиратов торговый флот поохранять!

Столь неожиданно было предложение этого малознакомого «полковника» Алекса, что я даже поперхнулся, и рука с полупустым бокалом красного вина застыла на полпути к губам. В начале разговора я мог предположить что угодно, но только не столь экзотическое дело.

— Волженин, не слушай его! Мой друг Алекс — известный авантюрист и неудачник, — прошептал мне на ухо Филонов и добавил уже вслух: — Из международной тюрьмы вытаскивать бесплатно тебя не стану, а у твоей жены столько денег на оплату моих услуг не найдется. Я — очень дорогой адвокат!

— Адвокатская болтовня! Филонов вечно все опешит и раскритикует. Но в случае положительного результата потом заявляет, что он был уверен в успехе.

— Конечно! Лучше товарища заранее предупредить и

предостеречь, чем позже носить в камеру передачи...

Я прищурился и вновь оценивающе окинул взглядом крепкую фигуру и суровую физиономию Алекса Яркина.

— Не врешь? Не шутишь?

— А чего врать? Я уже фирму зарегистрировал в Гондурасе.

— Надо же! Кто бы мог подумать — в самом Гондурасе! — всплеснул руками адвокат и рассмеялся. — А приличнее по звучанию для русского уха страны не мог найти?

— Иди ты! Юрист-юморист... Страна как страна, не хуже нашей. Фил, не вмешивайся в деловой разговор, а не то вычту штраф из твоего будущего гонорара. Да, кстати! Костя, а у тебя загранпаспорт-то есть?

— Есть, но просрочен. Надо новый оформлять...

— Жаль... Значит, на данный момент паспорта нет!

— Выходит, что так... — Я притворно огорчился и даже досадливо вздохнул.

— Ах, какой клиент сорвался с крючка! — Филонов хохотнул и хлопнул Алекса по плечу. — А я уже представил газетные заголовки: банда кровавых русскоязычных наемников из Гондураса, пытавшихся устроить переворот в небольшой африканской стране, предстала перед Гаагским трибуналом! Поделом международным авантюристам!

— Цыц, стряпчий!

— Тогда уж присяжный поверенный.

— Не зуди! Константин, так ты согласен или нет? — оборвал несерьезную адвокатскую болтовню суровый Алекс. — Что-то я тебя не пойму.

— И я тебя не пойму. Разговор без конкретики. В принципе, я — не против. Я за любой интересный кипеш, тем более, если он с материальной выгодой и пользой — люблю попробовать что-то новое. Особенно хорошо оплачиваемое.

Заскучал я «на земле», хочется чуток экстрима... Морского...

— Вот и молодец! Значит, договорились? Тогда делай новый паспорт, да поскорее. На следующей неделе я поеду на рекогносцировку в Египет, в порт Суэц. Вернусь — сгоняем в Сомали. Позже поговорим о деталях. Возможно, скоро уже отправимся на первый корабль.

Я не стал воспринимать всерьез этот пьяный базар и пошутил:

— Ладно, не забывай! Звони, если что...

Попили, поели, поболтали, пошутили и разъехались на такси по домам...

(Продолжение следует)

Рекламно-издательская фирма «3-е ИЮЛЯ»

(основана в 1992 году)

Профессиональные литераторы помогут вам написать спортивные мемуары или историю вашего спортивного общества, команды, а мы издадим её в доступном формате. Последуйте примеру Е. Гоголевского и Н. Долгова, которые уже вошли в историю.

г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а. Тел. 8-9107-48-11-02. E-mail: bobclub@mail.ru

Враги истинные и мнимые

Мы прикоснулись только к верхушке айсберга. Многие, очень многие детали «засекреченной войны» до сих пор недоступны исследователям. Власть предпочитает есть что скрывать даже семьдесят с лишним лет спустя. Потому что вина не только так называемых предателей и коллаборационистов, но и служителей сталинской Системы сопоставимы. Только одни получали пулю или верёвку, а другие – ордена и медали. Только о миллионах невинно пострадавших до сих пор никто не подумал...

Александр ПЕТРОВ

Боевые потери офицерского состава Красной Армии за время Великой Отечественной войны составили 1 023 093 человека. Кроме того, из армии было уволено по ранению 1 030 721 человек, умерло от болезней и подругам причинам – 5026 человек, осуждены военными трибуналами с лишением воинских званий – 20 071 человек, находились в плену – около 150 000 человек. Таким образом, общие потери офицерского состава за 1941–1945 гг. составили около 2 228 900 человек.

За время войны в Красной Армии погибли, умерли от ран, пропали без вести и попали в плен 421 генерал, 2502 полковника, 4887 подполковников и 19 404 майора. По данным историков ФРГ, за годы Второй мировой войны у всех воюющих стран в плену побывало почти 35 млн. человек. Офицеры от общего числа пленных составили около 3%, а генералов, попавших в плен, насчитывалось всего несколько сотен человек. Однако именно эта категория военнопленных представляла особую ценность и особый интерес для карательных и политических структур воюющих сторон и поэтому больше других подвергалась различным формам физического и морально-психологического воздействия.

Из различных источников известно, что за годы Великой Отечественной войны в немецком плену оказались 83 генерала Красной Армии. Из них 26 человек были расстреляны, убиты лагерной охраной или умерли от болезней. Остальные после окончания войны были депортированы в Советский Союз. После депортации 32 человека репрессированы: 7 повешены по делу **Власова**, 17 расстреляны на основании приказа Ставки № 270 от 16 августа 1941 г. и 8 генералов приговорены к различным срокам заключения. Оставшихся 25 человек по-

сле более чем полугодовой проверки органами госбезопасности оправдали, а затем постепенно уволили в запас.

63 генерала Красной Армии попали в плен в 1941 г. В 1942 г., после нескольких поражений, в плен были захвачены ещё 16 генералов, в 1943 г. попали в плен три генерала и в 1945 г. – один. Из них 5 командующих армиями, 19 командиров корпусов, 31 командир дивизии, 4 начальника штаба армии, 9 начальников родов войск армий и т.д. Из числа попавших в плен в 1941 г. погибли 16 генералов. Рискуя жизнями, совершили побег из плена генералы **С.Я. Огурцов**, **И.И. Алексеев**, **И.А. Ласкин**, **П.В. Сысоев**, **П.Г. Цирульников** и бригадный комиссар **И. Толкачёв**. Генералы **Огурцов** и **Сысоев** после побега воевали в партизанских отрядах. Все они после ареста и проверки органами СМЕРШ были восстановлены в правах и продолжали службу в армии.

Кроме погибших в плену, 19 генералов Красной Армии в 1941 г. пропали без вести. Значительный урон высшему командному составу армии нанесли репрессии в начальном периоде войны, когда по приговорам трибуналов и по личному указанию **Сталина** были казнены многие генералы.

– **Арженухин Ф.К.** – генерал-лейтенант авиации, начальник Военно-воздушной академии. Расстрелян в 1941 г.

– **Володин П.С.** – генерал-майор авиации, начальник штаба ВВС Красной Армии. Расстрелян в 1941 г.

– **Галактионов С.Г.** – генерал-майор, командир 30-й стрелковой дивизии 9-й армии Южного фронта. Расстрелян в июле 1941 г.

– **Гольцев Н.Д.** – генерал-майор. 1897 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Начальник отдела автобро-

нетанковых войск 18-й армии Южного фронта. Расстрелян в 1942 г.

– **Гончаров В.С.** – генерал-майор. 1894 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1917 г. Командующий артиллерией 34-й армии Северо-Западного фронта. Расстрелян в сентябре 1941 г.

– **Григорьев А.Т.** – генерал-майор. 1889 г. рождения. Беспартийный. В Красной Армии с 1918 г. Начальник войск связи Западного фронта. Расстрелян в июле 1941 г.

– **Гусев К.М.** – генерал-лейтенант авиации. 1906 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1925 г. Командующий ВВС Дальневосточного фронта. Расстрелян в 1941 г.

– **Дьяков Г.С.** – генерал-майор. 1886 г. рождения. Беспартийный. В Красной Армии с 1918 по 1924 г. и с 1929 г. Заместитель начальника кафедры Военной академии им. Фрунзе. Дата смерти не установлена.

– **Качанов К.М.** – генерал-майор. 1901 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Командующий 34-й армией Северо-Западного фронта. Расстрелян в 1941 г.

– **Каюков М.М.** – генерал-майор технических войск, заместитель начальника управления Наркомата обороны СССР. Расстрелян в 1941 г.

– **Клёнов П.С.** – генерал-лейтенант. 1894 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Начальник штаба Северо-Западного фронта. Расстрелян в 1941 г.

– **Климовских В.Е.** – генерал-майор. 1895 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Начальник штаба Западного фронта. Расстрелян в июле 1941 г.

– **Клич Н.А.** – генерал-лейтенант. 1895 г. рождения. Беспартийный. В Красной Армии с 1920 г. Начальник артиллерии Западного фронта. Расстрелян в июле 1941 г.

– **Коробков А.А.** – генерал-майор. 1897 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Командующий 4-й армией Западного фронта. Расстрелян в июле 1941 г.

– **Кособуцкий И.С.** – генерал-майор, командир 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта. Расстрелян в 1941 г.

– **Локтионов А.Д.** – генерал-полковник, командующий Прибалтийским особым военным округом. Расстрелян в 1941 г.

– **Оборин С.И.** – генерал-майор. 1892 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1917 г. Командир 14-го механизированного корпуса Западного фронта. Расстрелян в 1941 г.

– **Павлов Д.Г.** – генерал армии. 1897 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1919 г. Герой Советского Союза. Командующий Западным фронтом. Расстрелян в июле 1941 г.

– **Проскуров И.И.** – генерал-лейтенант авиации. 1907 г. рождения. Член ВКП(б). Герой Советского Союза. Командующий ВВС 7-й армии. Расстрелян в 1942 г.

– **Птухин Е.С.** – генерал-лейтенант авиации. 1900 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Герой Советского Союза. Командующий ВВС Юго-Западного фронта. Расстрелян в 1942 г.

– **Пумпур П.И.** – генерал-лейтенант авиации, командующий ВВС Московского военного округа. Расстрелян в феврале 1942 г.

– **Рычагов П.В.** – генерал-лейтенант авиации. 1911 г. рождения. Герой Советского Союза. Начальник Главного управления ВВС Красной Армии. Расстрелян в октябре 1941 г.

– **Савченко Г.К.** – генерал-майор. 1901 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Заместитель начальника Главного артиллерийского управления. Расстрелян в 1941 г.

– **Салихов М.Б.** – генерал-майор, командир 60-й горнострелковой дивизии 18-й армии Южного фронта. Расстрелян в 1941 г.

– **Самойлов К.И.** – контр-адмирал. 1896 г. рождения. Беспартийный. В Военно-морском флоте с 1918 г. Начальник Управления военно-морских учебных заведений Военно-морского флота. Дата смерти не установлена.

– **Селиванов И.В.** – генерал-лейтенант. 1886 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Командир 30-го стрелкового корпуса Западного фронта. Расстрелян в феврале 1942 г.

– **Смушкевич Я.В.** – генерал-лейтенант авиации. 1900 г. рождения. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1919 г. Дважды Герой Советского Союза. Помощник начальника Генерального штаба по авиации. Расстрелян в октябре 1941 г.

– **Таюрский А.И.** – генерал-майор авиации. 1900 г. рождения. В Красной Армии с 1919 г. Заместитель командующего ВВС Западного фронта. Расстрелян в 1942 г.

– **Трубецкой Н.И.** – генерал-лейтенант. Член ВКП(б). В Красной Армии с 1918 г. Начальник Управления военных сообщений Генерального штаба Красной Армии. Расстрелян в июле 1941 г.

– **Шахт Э.Г.** – генерал-майор авиации, помощник командующего ВВС Орловского военного округа. Расстрелян в феврале 1942 г.

В перечень включены генералы, репрессированные в 1941 г. и реабилитированные посмертно.

В этот скорбный список не вошёл командир 9-й смешанной авиационной дивизии (САД) Западного фронта Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва (с 1937 г.) **Черных Сергей Александрович**. В Красной Армии с декабря 1930 г. Участник войны в Испании с ноября 1936 г. по февраль 1937 г., командир звена истребителей И-16 лейтенант **Черных** уничтожил 3 вражеских самолёта и несколько самолётов в групповых боях. Он был первым из советских лётчиков, кому удалось сбить новый немецкий истребитель «Мессершмитт-109В». При внезапном ударе противника по аэродромам Западного фронта из 409 самолётов 9-й САД были уничтожены 347. Не имея связи с командованием и действуя самостоятельно, генерал-майор **Черных** возглавил действия уцелевших истребителей, и к концу дня 22 июня им удалось сбить 19 немецких самолётов.

В июле 1941 г. он был арестован, обвинён в преступном бездействии, трусости и невыполнении приказа. Военной коллегией Верховного суда СССР 28 июля 1941 г. приговорён к высшей мере наказания и лишён звания Героя Советского Союза. Расстрелян 16 октября 1941 г. вместе с группой других командиров, обвинённых в провале начального периода войны. Реабилитирован в 1958 г. и восстановлен в звании Героя Советского Союза.

По решению Особого совещания при НКВД СССР 23 февраля 1942 г. был расстрелян также комдив **Александр Александрович Тальковский** – советский военачальник, с 1931 г. командир и военный комиссар 3-й Крымской стрелковой дивизии, награждённый орденом Красной Звезды. Он был арестован в 1937 г., в 1940-м – освобождён и назначен заместителем начальника военной Академии имени Фрунзе, а в июне 1941 г. вновь арестован. Основанием для ареста послужили материалы архивно-следственного дела, которое было прекращено в мае 1940 г. постановлением Военной прокуратуры. После нового ареста бывший командир дивизии обвинялся в участии в антисоветском военном заговоре

и работе на германскую разведку. Реабилитирован в 1956 г.

Общая численность репрессированных в 1941 г. офицеров старшего и среднего звена неизвестна.

После разгрома Красной Армии в июне–августе 1941 г. «великому вождю и учителю» нужно было назвать народу «виновных», и они нашлись. Сразу же после июльского расстрела генералов **Павлова Д.Г., Григорьева А.Т., Климовских В.Е., Коробкова А.А. и Оборина С.И.** были названы новые жертвы. В приказе № 270 Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии от 16 августа 1941 г., подписанном **Сталиным, Молотовым, Будённым, Ворошиловым и Тимошенко**, дезертирами, паникёрами и трусами названы генералы **Качалов, Понеделин и Кириллов**. Об их «преступлении перед Родиной» в приказе сказано:

«...Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам. Командующий 28-й армией генерал-лейтенант **Качалов**, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы **Качалова** из окружения вышел, пробился из окружения части группы **Качалова**, а генерал-лейтенант **Качалов** предпочёл сдаться в плен, предпочёл дезертировать к врагу. Генерал-майор **Понеделин**, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но **Понеделин** не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной как нарушитель военной присяги. Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор **Кириллов**, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьёзного сопротивления сдались в плен...».

Для наведения порядка и исключения случаев дезертирства Ставка приказывала: «Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть, как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам. Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен, – уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и

мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев».

Названный в приказе первым среди трусов, паникёров и дезертиров генерал-лейтенант **Владимир Яковлевич Качалов** (27 июля 1890 г. – 4 августа 1941 г.) с июня 1940 г. командовал войсками Архангельского военного округа.

В первые дни войны на базе войск округа была сформирована 28-я армия. Генерал-лейтенант **Качалов** принял командование этой армией и во главе её прибыл на Западный фронт. Участвовал в Смоленском сражении. В 20-х числах июля 1941 г. Владимир Яковлевич возглавил оперативную группу в составе трёх дивизий, которая нанесла наступающим немецким войскам контрудар из района Рославля и отбросила противника за реку Сометь, создав тем самым угрозу с тыла передовым соединениям вермахта. Чтобы парировать удар, немецкое командование было вынуждено подтянуть на этот участок фронта крупные силы, которые вскоре фланговыми ударами окружили группу **Качалова**. 4 августа 1941 г. при прорыве из окружения **Владимир Яковлевич Качалов** погиб и был похоронен в посёлке Стодольце Починковского района Смоленской области. Обвинённый в измене Родине и сдаче в плен, через два месяца после гибели генерал **Качалов** Военной коллегией Верховного суда СССР был заочно приговорён к смертной казни, а его жена была арестована как «член семьи изменника Родины». После смерти **Сталина** жена обратилась с письмом в ЦК КПСС с просьбой восстановить справедливость и вернуть честное имя мужу. Генерал **Качалов** реабилитирован 23 декабря 1953 г.

Генералам **Понеделину и Кириллову** «повезло» меньше, чем **Качалову**: они остались живы и действительно попали в плен. Генерал-майор **Павел Григорьевич Понеделин** с марта 1941 г. командовал 12-й армией Киевского Особого военного округа. Участвовал в боях с первых дней войны, руководя действиями 12-й армии. В течение июня и июля 1941 г. 12-я армия отступала на юго-восток. Попал в окружение возле села Подвысокое в ходе битвы под Уманью и 7 августа при попытке выхода из окружения генерал-майор **П.Г. Понеделин** вместе с командиром 13-го корпуса генерал-майором **Н.К. Кирилловым** попали в плен. Немцы использовали факт их пленения в пропагандистских целях. Генералов **Понеделина и Кириллова** сфотографировали рядом с немецкими офицерами, и листовки с этими фотографиями разбрасывали в расположении наших частей. Военной коллегией Верховного суда **Понеделин** в 1941 г. был заочно приговорён к расстрелу. С августа 1941 г. по 29 апреля 1945 г. находился в немецком плену. Его жена и отец были арестованы как «члены семьи изменника Родины».

«В период пребывания в плену немцы изъяли у **Понеделина** дневник, в котором он излагал свои антисоветские взгляды по вопросам политики ВКП(б) и Советского правительства». 29 апреля 1945 г. он был освобождён американскими войсками и передан советским представителям. Арестован 30 декабря 1945-го и заключён в Лефортовскую тюрьму. Обвинялся в том, что «являясь командующим 12-й армией и попав в окружение войск противника, не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддавался панике и 7 августа 1941 г., нарушив военную присягу, изменил Родине, без сопротивления сдался в плен немцам и на допросах сообщил им сведения о составе 12-й и 6-й армий».

В начале 1950 г. **Понеделин** написал письмо **Сталину** с просьбой пересмотреть дело. 25 августа 1950 г. Военной коллегией Верховного суда он был приговорён к расстрелу с немедленным исполнением приговора. Виновным в соотрудничестве с немцами себя не признал. Реабилитирован. Прах

генерала **Понеделина** покоится в общей могиле № 2 на новом Донском кладбище в Москве.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор **Кириллов Николай Кузмич** в августе 1941 г., во время тяжёлых оборонительных боёв в окружении, также попал в плен. 13 октября 1941 г. заочно приговорён к расстрелу. В немецком плену находился в концентрационных лагерях Вольфхайде и Дахау. Компрометирующих данных о поведении в плену не было. В 1945 г. освобождён союзными войсками и передан представителям советской военной администрации. 30 декабря 1945 г. арестован и до конца лета 1950 г. находился под следствием. 25 августа 1950 г. осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР, приговорён к высшей мере и в тот же день расстрелян. Захоронен на Донском кладбище Москвы.

29 февраля 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР прекратила дело в отношении **Николая Кузмича Кириллова** «за отсутствием состава преступления» и посмертно «восстановила» его в воинском звании и наградах.

Однако среди советских генералов и высших офицеров были и те, кто действительно сотрудничал с врагом. В созданных немцами вооружённых формированиях и оккупационных административных структурах служили генерал-лейтенант (**А.А. Власов**), 6 генерал-майоров, 3 комбрига, 29 полковников, один бригадный комиссар, 16 подполковников, 41 майор, 11 военинженеров, один капитан 1-го ранга ВМФ и 3 старших лейтенанта госбезопасности. 27 мая 1945 г. начальник военной контрразведки «СМЕРШ» генерал **Абакумов** в совершенно секретном сообщении на имя **И.В. Сталина** сообщал: «В соответствии с Вашим указанием, вчера, 26 мая с.г., работниками Главного управления «СМЕРШ», действовавшими под видом сотрудников уполномоченного СНК СССР по репатриации, на двух самолётах из Парижа в Москву были доставлены 29 генералов Красной Армии, 3 комбрига и 1 бригадный врач, находившиеся в плену у немцев...». В списке значились 33 фамилии. Через некоторое время список пополнился ещё четырьмя фамилиями. Таким образом, на Родину вернулись 37 генералов и комбригов. В правах были восстановлены только 26 человек. В итоговом донесении **Абакумова** от 21 декабря 1945 г. сообщалось, что кроме **А.А. Власова**, **Ф.Н. Трухина**, **В.Ф. Малышкина**, **Д.Е. Закутного**, **И.А. Благовещенского** и бригадного комиссара **Т.Н. Жиленкова**, изменивших Родине, 11 генералов Красной Армии объявлялись предателями, подлежащими суду, а 25 генералов предлагалось передать в распоряжение Наркомата обороны.

Насколько зыбка грань между теми, кто предатель, и теми, кто оступился или проявил слабость во время боя, видно на судьбах многих генералов. Часть из них – попавшие в плен, обвинённые в предательстве и казнённые генералы **Артеменко**, **Крупеников**, **Белешев**, **Привалов** и осуждённый на длительный срок **Самохин**, – впоследствии были реабилитированы.

Генерал-майор **Артеменко П.Д.** – бывший командир 27-го стрелкового корпуса. «...Преступная деятельность **Артеменко** подтверждается захваченными органами СМЕРШ показаниями **Артеменко**, которые он давал немцам на допросах... **Артеменко** советовал немцам, как лучше организовать действия германских войск в борьбе против Красной Армии, клеветал на Советское правительство, политико-моральное состояние Советского народа и военнослужащих Красной Армии, а также заявлял о неизбежном поражении СССР в войне с Германией». В плену **Артеменко** находился в нескольких концлагерях и заболел дистрофией. В начале мая 1945 г. освобождён американскими войсками, передан советским представите-

лям и отправлен в Москву, где подвергся проверке в органах НКВД. 10 декабря 1946 г. **Артеменко** был арестован, а 10 июня 1950 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР по обвинению в потере управления войсками и добровольной сдаче в плен. Реабилитирован.

Генерал-майор **Крупеников И.П.** – бывший начальник штаба 3-й гвардейской армии, в плен попал во время боя при нападении немецкой части на штаб армии. «В начале 1943 г., находясь в лагере военнопленных, по собственной инициативе поступил на службу в качестве преподавателя на созданные немцами курсы офицерского состава и пропагандистов так называемой «русской освободительной армии». **Крупеников** содержался в Нюрнбергской тюрьме.

В начале мая 1945 г. был освобождён американцами и отправлен в Москву, где подвергся проверке органами НКВД, арестован и отдан под суд. Военная коллегия Верховного суда СССР за добровольную сдачу в плен приговорила **Крупеникова** к высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение 28 августа 1950 г. Реабилитирован.

Генерал-майор авиации **Белешев М.А.** – бывший командующий ВВС 2-й ударной армии «сознал, что на допросе в разведотделе Ставки германской армии он одобрил предложение немцев об использовании пленных советских лётчиков для борьбы против Красной Армии, после чего был назначен немцами на должность коменданта лагеря военнопленных в городе Мариенфельд, где содержались военнослужащие частей ВВС Красной Армии». Содержался в крепости Вайсенбург в Германии. В мае 1945 г. он был освобождён американскими войсками. После войны **Белешев** вернулся в СССР, 29 декабря 1945 г. и после проверки в органах НКВД был арестован. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила **Белешева** к высшей мере наказания. Приговор был приведён в исполнение 26 августа 1950 г. Реабилитирован.

Генерал-майор **Привалов П.Ф.** – бывший командир 15-го стрелкового корпуса, в августе 1941 г. при попытке выйти из окружения попал в плен. Содержался в нескольких концентрационных лагерях. Компрометирующих данных о поведении в плену получено не было. В начале мая 1945 г. **Привалов** был освобождён из лагеря американскими войсками и через советскую военную миссию по репатриации был отправлен в Москву. После проверки в органах НКВД 15 декабря 1945 г. **Привалов** был арестован и отдан под суд. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила бывшего генерал-майора **Привалова** к высшей мере наказания. Приговор приведён в исполнение 30 декабря 1951 г. Реабилитирован.

Генерал-майор **Самохин А.Г.** – бывший начальник 2-го управления Главного разведывательного управления Красной Армии, в апреле 1942 г. был назначен командующим 48-й армией Брянского фронта, но приступить к исполнению обязанностей не смог. Прибыв на фронт, он по ошибке попал в расположение немецких подразделений и в плен. Компрометирующих данных о поведении в плену не было. В мае 1945 г. **Самохин** был освобождён из плена частями Красной Армии и отправлен в Москву. В конце 1945 г. он был арестован. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к 25 годам лишения свободы.

5 августа 1953 г. **Самохин** был реабилитирован, освобождён и восстановлен в звании и в армии. В 1954 г. он окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба, после чего работал старшим преподавателем на военной кафедре МГУ. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды. Скончался 17 июля 1955 г.

(Продолжение следует)

ШЛЮХИ В НАКОЛКАХ

Ольга МИГУНОВА,
доктор медицинских и педагогических наук

Моя соседка, назовём её Оксана, покончила жизнь самоубийством, бросившись с крыши высотного дома в центре города. Все, кто знал эту жизнерадостную успешную девушку, были в недоумении. Казалось, причин для сведения счётов с жизнью у неё не было. И только в найденном несколько дней спустя дневнике оказалась разгадка странного на первый взгляд поступка.

Оксана прекрасно училась в школе, пользовалась вниманием парней. Без труда поступила в институт, по окончании которого открыла своё небольшое, но достаточно доходное дело.

А затем она влюбилась. Страстно и, как ей казалось, на всю жизнь. Её возлюбленный Андрей оказался серьёзным кавалером, не пил и не курил, мечтал о крепкой семье. Он даже уезжал на Север, чтобы заработать на квартиру. Готовился поступать в технический вуз...

Влюблённую парочку по-доброму обсуждали все жители дома, а подруги, у которых личная жизнь не задалась, тихо вздыхали и откровенно завидовали красивой паре.

А когда до свадьбы оставались считанные недели, Оксана совершила роковой поступок. На место происшествия приехали оперативники. Прошло несколько дней, и они вернулись, чтобы арестовать Андрея.

От следователя он узнал, что его обвиняют «в доведении до самоубийства» Оксаны. И показали дневник возлюбленной. Андрей, перечитывая исповедь Оксаны, испытал шок:

«...Жить не хочется. Вчера Андрей, увидев тату в виде лилии возле моего интимного места, буквально взорвался криком, обозвал меня шлюхой и сказал, что он разрывает со мной все отношения... Потом ещё пояснил, что именно лилией клеймили в давние века женщин лёгкого поведения, стало быть, я только притворялась пайнойкой, а на самом деле оказалась похотливой женщиной... Я пыталась шутить, что сегодня модно наносить татуировки, мол, все так делают. На что Андрей парировал: «А когда мода пройдёт, как ты это объяснишь своим детям?! Если, конечно, кто-то ещё откажется завести с тобой детей...».

Проведя несколько дней под дамокловым мечом, Андрей всё же был освобождён от ответственности, в его действиях не нашли преднамеренности. На парня жалко было смотреть. Соседские взгляды жалили, вчерашнее одобрение сменилось укоризной. Андрей уехал из города, говорят, вновь подался в нефтяные края.

Подруги Оксаны, погоревав недолго, вернулись к тусо-

вочной жизни, призрачно надеясь встретить и своё личное счастье, в основном проводя вечера в дешёвых кафе, а при отсутствии в кошельке наличности – с бутылкой пива и сигаретой на лавочке во дворе. В компании недоростков, мальчиков-хулиганчиков.

В один из вечеров я стала невольным свидетелем «интеллектуальной беседы» девчонок. Они живо обсуждали какого-то Артура, который «классно делает наколки и пирсинг». И тут же демонстрировали на своём теле его художества, не стесняясь обнажать интимные места.

Я не собираюсь читать им мораль. В конце концов у каждого своя судьба. Печально только, что в последнее время всё чаще приходится встречать «безголовых подружек» в больничных палатах с целым букетом заболеваний. Многие из них, конечно, лечатся. Вот только здоровья после этого не прибавляется. А молодость, увы, сгорает, как жаркое лето. Им бы вспомнить басню про стрекозу, которая «лето красное пропела, оглянуться не успела, как зима катит в глаза»...

Я и сама стал забывать историю про Оксану, но недавно узнала, что одна из её одноклассниц, превратившая своё тело в полигон для татуировок, стала пациенткой одного из медучреждений, где ставят на учёт больных СПИДом. Возможно, она заразилась половым путём, но мои коллеги не устают повторять, что инфекции подвержены и те, кто опрометчиво подставляется под чернильную иглу.

Что же касается татуировки в виде лилии (и других цветков), то это действительно порочная отметина, известная с древних времён. Тавро шлюхи давало право обращаться с ней как с животным. Но тогда клеймили принудительно, а сейчас глупышки портят свою внешность добровольно.

И можно понять Андрея, испугавшегося увиденного на теле любимой девушки. Возможно, в отличие от Оксаны, он читал историческую литературу и хорошо представлял последствия совместного проживания с женщиной лёгкого поведения. А вот чего испугалась сама девушка, так и остаётся загадкой.